

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

**ЧЕЛОВЕК, СЕМЬЯ И ОБЩЕСТВО:
ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**VI Международный
научно-образовательный форум**

**ЭТИКА МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА:
ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНОЛОГИИ**

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции

Красноярск, 26 октября 2017 г.

Электронное издание

Красноярск
2017

ББК 87.7
Э 901

Редакционная коллегия:

Е.Н. Викторук (отв. ред.)

В.В. Минеев

А.С. Лобанова

Э 901 **Этика меняющегося мира: теория, практика, технологии:** материалы Всероссийской научно-практической конференции. Красноярск, 26 октября 2017 г. / отв. ред. Е.Н. Викторук; ред. кол.; [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2017. – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux, Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-00102-145-2

В сборник вошли статьи студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых, посвященные актуальным проблемам философии морали и этики изменяющегося мира. Представлены современные типы философской рефлексии над процессами развития морали и этики, фиксируемыми в различных сферах общественной жизни.

ББК 87.7

ISBN 978-5-00102-145-2

(VI Международный форум
«Человек, семья и общество:
история и перспективы развития»)

© Красноярский государственный
педагогический университет
им. В.П. Астафьева, 2017

ЭТИЧЕСКИЕ НАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ АРТ-МЕНЕДЖМЕНТА

С.В. Костылев

Этические нарушения, кодексы профессиональной этики, стили руководства.

В статье исследуются основные нарушения в сфере арт-менеджмента: дискриминация, протекционизм, фаворитизм, моббинг. Кодексы профессиональной этики рассматриваются как нормативные документы, регулирующие поведение работников в сложных ситуациях и служащих средством профилактики этических нарушений.

ETHICAL VIOLATIONS IN THE SPHERE OF ART MANAGEMENT

S.V. Kostylev

Ethical violations, codes of professional ethics, leadership styles.

The article explores the main violations in the field of art management: discrimination, protectionism, favoritism, mobbing. Codes of professional ethics are considered as normative documents regulating the behavior of employees in difficult situations and serving as a means of preventing ethical violations.

Руководствуясь системой моральных ценностей, арт-менеджер приобретает возможность действовать избирательно по отношению к выполняемым профессиональным задачам, проявлять различную степень активности при их решении. При определении стиля руководства арт-менеджера можно использовать подход, разработанный К. Левиным, который предполагает деление на авторитарный, демократический и попустительский стили руководства.

Приемлемость или неприемлемость применения названных стилей управления зависит, прежде всего, от этических традиций и правил, установленных в каждом конкретном учреждении. Этические нарушения в организациях арт-сферы находятся в прямой зависимости от использования арт-менеджером того или иного стиля руководства (табл.).

Основные этические нарушения в организациях арт-сферы

Этические нарушения	Содержание	Разновидности
1	2	3
Оскорбление	Сознательные действия или высказывания, направленные на унижение человеческого достоинства и чести, выраженные в непристойной и неллицеприятной форме	Высказывание (словесное, письменное); действие
Дискриминация (лат. <i>discriminatio</i> «различение»)	Ограничение прав и ущемление интересов отдельных индивидов, социальных групп и общностей. Несправедливое или негативное отношение к представителям этнических, политических, религиозных организаций	Политическая; экономическая; социальная; гендерная; расовая; возрастная; религиозная; трудовая и др.
Протекционизм (от лат. <i>protegere</i> «охранять», «защищать»)	Система покровительства, заключающаяся в поддержке, защите и предоставлении привилегий отдельным членам организации со стороны администрации	Фаворитизм; nepотизм; трайбализм и др.
Фаворитизм (от лат. <i>favog</i> «благосклонность», «милость», «приязнь»)	Корпоративное явление, сущностью которого является покровительство и продвижение по службе избранных сотрудников, к которым испытывает симпатию вышестоящее руководство	Индивидуальный; групповой

Окончание табл.

1	2	3
Непотизм (от лат. nepotis «внук», «племянник»)	Назначение на ключевые посты в организации ближайших родственников, производственная деятельность которых активно влияет на процесс принятия и реализации управленческих решений	Близкородственный; среднеродственный; дальнеродственный
Кронизм (гр. chronios «долгосрочный»)	Оказание содействия в карьерном росте и создание благоприятных производственных условий для друзей и приятелей руководителя организации	Дружеский; товарищеский; приятельский
Трайбализм (лат. tribal «племенной»)	Политика покровительства единоплеменникам в организации, характеризующаяся замкнутостью, обособленностью, враждебностью по отношению к другим общностям	Семейственно-клановый; этнический; национальный
Моббинг (от англ. mob «толпа»)	Вид эмоционально-психологического насилия и форма коллективного неприятия отдельного сотрудника организации со стороны руководства или коллег по работе, характеризующаяся травлей, запугиванием, изоляцией, преследованием	Вертикальный – «боссинг» (англ. bossing – от англ. boss – хозяин, шеф); горизонтальный (буллинг (от англ. bullying – тиранировать, издеваться, доминировать))

К возможным этическим нарушениям в сфере арт-менеджмента можно отнести: обман, коррупция, взяточничество, несправедливое распределение рабочей нагрузки и премиального фонда, принуждение и давление, разглашение коммерческой тайны, публичные оскорбления, нанесение морального ущерба, унижение человеческого достоинства, nepoтизм и фаворитизм, воровство, предоставление недостоверной информации и др.

Согласно статистике в Российской Федерации в год регистрируется несколько тысяч краж культурных и художественных ценностей сотрудниками музеев. Заведующий лабораторией музейного проектирования Российского института культурологии, доктор искусствоведения А.В. Лебедев утверждает, что украдено от 200 до 300 ценных предметов в церквях, от 40 до 45 – в музеях, остальные – у частных коллекционеров и собирателей.

Известен случай, когда в результате проверки отдела русского ювелирного искусства ФГБУК «Государственный Эрмитаж» летом 2006 года, была выявлена кража коллекции из запасников музея, состоящая из 221 экспоната общей стоимостью 130 миллионов рублей.

Следственными органами было установлено, что выносом и реализацией культурных ценностей, среди которых большое количество культовых предметов, таких как напрестольный золоченый крест 1806 года, два золоченых креста-мощехранительницы 1760 и 1814 года, пять золоченых чаш – потиров середины XVIII – середины XIX веков и др., занималась семья хранительницы коллекции серебра Государственного Эрмитажа.

С целью урегулирования взаимоотношений между работодателями и сотрудниками, противодействия незаконному обороту и продаже природных либо культурных

ценностей в ряде организаций и учреждений арт-сферы были разработаны, согласованы и утверждены кодексы профессиональной этики как корпоративные нормативные документы, регулирующие поведение работников в сложных ситуациях; отражающие систему моральных ценностей и содержащие основные требования к добросовестному выполнению служебных обязанностей и функций.

В соответствии с пунктом 3.2. Указа Президента РФ № 597 от 7 мая 2012 г. «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» в целях расширения участия работников в управлении организациями Правительству Российской Федерации поручено разработать комплекс мероприятий по развитию институтов самоуправления и принятию кодексов профессиональной этики.

В настоящее время в сфере культуры и искусства Российской Федерации действуют следующие кодексы профессиональной этики: Кодекс музейной этики ИКОМ, подготовленный Международным советом музеев и принятый на XXI Генеральной Ассамблее ИКОМ 8 октября 2004 года, Кодекс этики российского библиотекаря, принятый Конференцией Российской библиотечной ассоциации 26 мая 2011 г., Кодекс этики профессионального археолога, Кодекс профессиональной этики Российского союза выставок и ярмарок, Кодекс профессиональной этики антиквара и арт-дилера, принятый Международной конфедерацией антикваров и арт-дилеров.

Этические кодексы включают в себя этические принципы и моральные стандарты, обязательные для всех работников организации: создание благоприятных условия для профессионального развития и карьерного продвиже-

ния, уважение прав и свобод сотрудников компании, честность, справедливость и доверие, самостоятельность, дисциплина и ответственность и др.

По мнению одних исследователей (Воробей И.А., Гордова Э.Е., Ирхин Ю.В., Полозков Е.В., Черепанова М.В., Финогентова О.Е. и др.), разработка и внедрение в практику деятельности организаций этических кодексов способствует повышению ответственности за качество предоставляемых товаров и услуг, наилучшему удовлетворению запросов и интересов пользователей, проявлению лояльности к обществу и отказу от недобросовестной конкуренции, по мнению других авторов (Гуреев М.В.), служит инструментом манипуляций со стороны топ-менеджмента компании [3, с. 17].

Библиографический список

1. Викторук Е.Н., Черняева А.С. Философия науки: история, методология, этика. учебное пособие для аспирантов и соискателей / КГПУ им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2015.
2. Громова Л.А. Этика управления: учебно-методическое пособие / СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 183 с.
3. Гуреев М.В. Моральная кодификация как инструмент властных манипуляций // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 3. Март. 2012. С. 17.
4. Костылев С.В., Викторук Е.Н. Методы и технологии арт-менеджмента в системе подготовки кадров для сферы культуры и искусства. монография / КГПУ им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2016. 194 с.
5. Костылев С.В. Art management as administrative system of broadcast of art values // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 8, № 8. С. 1611–1624.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ

Е.Р. Телеватая

Научный руководитель **А.Ф. Гох**

Педагогическая этика, интеллектуальные нарушения, особенности развития, правила взаимоотношений.

В статье рассматриваются аспекты педагогической этики в работе с детьми с интеллектуальными нарушениями. Автор пытается определить нравственные характеристики профессиональной деятельности педагога, необходимые для работы с ребенком с интеллектуальными нарушениями и его родителями, а также обозначить основные правила взаимоотношений.

PEDAGOGICAL ETHICS IN WORK WITH CHILDREN WITH INTELLECTUAL VIOLATIONS

E.R. Televaty

Scientific director **A.F. Goch**

Pedagogical ethics, intellectual violations, features of development, rule of relationship.

In article aspects of pedagogical ethics in work with children with intellectual violations are considered. The author tries to define moral characteristics of professional activity of the teacher, necessary for work with the child with intellectual violations and its parents, and also to designate the basic rules of relationship.

В помещении, где горит одна единственная свеча, можно, одной рукой приблизиться к свету, затемнить половину помещения. Подобная ситуация складывается с ребенком: если вы в самом начале жизни причините ему самое незначительное повреждение, это может бросить тень на всю его жизнь.

Шандор Ференци

Дети с интеллектуальными нарушениями или умственной отсталостью (УО) – особые дети и к ним нужен особый подход. Не каждый родитель принимает это, и не каж-

дый педагог понимает, что кроется за этим «особым» подходом. Поэтому тема педагогической этики в работе с детьми с интеллектуальными нарушениями актуальна.

«Нравственность – это возможности, которые мы создаем друг для друга. Поэтому в отношениях между людьми этически оправданы не требования друг к другу, а возможности, которые они создают друг для друга» [5].

Любовь к детям, душевная чуткость, забота и теплота – важнейшие нравственные качества педагога. Они должны быть искренними, неподдельными и проявляться в любых жизненных обстоятельствах. Оказывать помощь детям в трудных моментах, помогать преодолевать тяжелые жизненные ситуации, является необходимостью. На этом строятся уважительные и доверительные отношения между педагогом и обучающимся. Помощь должна основываться на абсолютном бескорыстии, а иногда и на самопожертвовании.

Проблемы воспитания детей всегда находятся в центре внимания педагогов. УО дети должны быть воспитаны так, чтобы их самостоятельное поведение в общественной жизни соответствовало их жизненным потребностям и не противоречило существующим социальным нормам.

Посредством воспитания и образования должна развиваться компетенция, которая позволит ребенку достичь максимальной самостоятельности в своей жизни, в решении повседневных задач и трудностей. В доступных для конкретного обучающегося пределах необходимо пошагово, планомерно включать ребенка в общественную жизнь, расширять социальные контакты, учить накапливать и использовать приобретенный опыт [3].

Для становления личности умственно отсталого ребенка необходимо оказать ему помощь в формировании правильного осознания самого себя, своей индивидуальности, своего места в жизни. Важную роль играют общение ребен-

ка с окружающими, с внешним миром, его самостоятельная деятельность [10].

Своеобразие педагогической этики в работе с УО детьми определяется особенностями развития ребенка, а именно:

- познавательная деятельность;
- эмоционально-волевая сфера;
- формирование характера.

1. Особенности познавательной деятельности

При нарушениях познавательной деятельности, в общении ребенка с окружающим миром возникают определённые трудности. Он недостаточно осознает факты действительности. Во взаимоотношениях людей, в наблюдаемых ситуациях, УО ребенок не всегда может выявить причинно-следственную связь [8].

УО ребенок не имеет достаточного запаса моральных и нравственных представлений, чтобы анализировать свое поведение [7]. В силу своих особенностей, он не может представить последствия какого-либо своего поступка, правильно оценить моральные побуждения. Такой ребенок чаще просто повторяет то, что видит. Он копирует поведение людей, которые его окружают.

2. Особенности эмоционально-волевой сферы.

Дети разных нозологий, имеют свои особенности эмоционально-волевой сферы: олигофрен и эпилептик требуют к себе разного подхода. Но и в каждой отдельной нозологии дети не абсолютно одинаковы.

Патологические особенности эмоционально-волевой сферы могут быть не только врожденными или приобретенными в результате какой – либо физической травмы, но и являться результатом неправильного отношения родителей и других взрослых к ребенку. В таком случае педагог должен понять, где и с чьей стороны были допущены ошибки, чтобы наметить перспективу дальнейшего воздействия на ребенка [2].

Неправильное отношение к умственно отсталому ребенку часто выражается в том, что взрослые видят в нем только больного, который нуждается в помощи, а сам ничего сделать не сможет.

В результате такого отношения ребенок быстро усваивает нормы своего поведения: “я сам ничего не могу”. А как дальше будет жить этот ребенок с такой сложившейся установкой? Как узнали, что он не может, если ему не дали возможность попробовать? Взрослые, делая все за него, считая его беспомощным, больным, еще больше делают его таким. Ребенку необходимо прививать навыки самообслуживания, необходимо дать возможность самостоятельно развиваться, осваивать что-то, для его дальнейшей жизни, пусть методом проб и ошибок [4]. Нужно дать ребенку возможность нести ответственность за свои действия. Необходимо поверить в него, научиться доверять, а не бояться малейших ошибок и делать все за ребенка под видом помощи ему. Это может привести к полному иждивенчеству.

Неправильное отношение к ребенку так же заключается в ситуациях, когда умственно отсталого в семье используют, как рабочую силу. Это способствует развитию негативного отношения к работе и к труду в целом. Так же это может привести к отрицательному отношению к семье, в которой он растет. Ребенок перестает верить в свои силы и возможности.

Возникают определенные трудности в нравственном воспитании, если окружающие не видят за внешними поступками ребенка (как плохими, так и хорошими), мотивов его поведения.

Иногда, совершенный поступок внешне правильный, но УО ребенком всего лишь движет мотив подчинения. И наоборот, неправильный поступок совершается не всегда из плохих побуждений. В основе поведения может лежать непонимание той или иной ситуации, несдержанность, как

результат повышенной возбудимости нервной системы, или другие причины, в которых педагог должен разобраться.

Для преодоления трудностей воспитания, связанных с отклонениями эмоционально-волевой сферы, важное значение имеет вовлечение ребенка в коллектив, с целью взаимодействия с другими детьми. Это может быть творческая работа, объединение по группам, физический труд. Ребенок должен чувствовать себя нужным, что его работа так же важна, как и работа остальных, что он со всеми на равных.

3. Особенности, связанные с отклонениями в характере.

В работе с УО детьми необходимо «расширять границы», выходить за рамки школьной жизни, в большой мир. Ведь жить детям предстоит именно в нем. Смена круга общения, новые виды деятельности, новые ощущения и чувства, все это сыграет большую роль в формировании характера ребенка. У него сформируется понимание интересов общества, понимание жизни.

Учитель должен знать возможности каждого обучающегося, чтобы подготовить его к усвоению нового материала, правильно отобрать и объяснить то, что прочли на уроке и применить с большей или меньшей степенью самостоятельности в жизни [9]. К каждому нужно подобрать особенный подход. У детей разные возможности и разное восприятие одной и той же информации. Большое внимание учителю следует уделять продумыванию того, какого характера и какого объема необходима помощь на разных этапах усвоения учебного материала. Поэтому учителю нужно тщательно отбирать произведения, чтобы дети могли понять, что правильно и что неправильно они делают. Необходимо не просто дать материал, а научить применять его в своей дальнейшей жизни. Ребенок должен понимать моральные и нравственные нормы поведения.

В школе, для детей с УО в отношениях учитель-ученик должна учитываться специфика обучаемых детей:

особенности их познавательной сферы, их поведения, особенности общения. Отсюда следует, что учителю в отношениях с умственно отсталыми обучающимися необходимо иметь следующие качества:

- любовь к детям;
- сдержанность (умение сдерживать свои эмоции, чувства, как отрицательные, так и положительные);
- профессионализм (глубокие знания в области специальной педагогики и психологии);
- высокая нравственность (педагог должен сам обладать всеми теми качествами, которые он должен прививать детям);
- доброжелательность (создание положительного эмоционального фона в ученическом коллективе – на уроках и внеклассных мероприятиях);
- коммуникабельность (от умения построить диалог с ребенком зависит успешность педагогического процесса);
- эрудиция (проявление широты интересов, опирающейся на большой объем знаний);
- склонность к творчеству (оригинальное, высокоэффективное решение учителем учебно-воспитательных задач, обогащение теории и практики воспитания и обучения);
- требовательность к себе (способность добиваться решения поставленных задач);
- уважение прав и обязанностей ребенка;
- оптимизм (положительное восприятие окружающего мира);
- самокритичность (признание своей неправоты).

Обладание перечисленными качествами создает необходимые предпосылки для организации эффективной воспитательной работы с детьми с УО.

Педагог и семья УО ребенка

Семья – важная составляющая жизни ребенка. В ней он получает свой первый опыт, свои первые впечатления, эмо-

ции, чувства, в семье он растет и развивается. Для эффективной образовательной и воспитательно работы с ребенком педагогу необходимо держать связь с семьей. Учителю необходимо быть коммуникабельным, чтобы уметь находить общий язык с разными родителями, у которых свои принципы, свое мнение и методы воспитания. Необходимо быть вежливым и сдержанным, проявление излишних чувств и эмоций недопустимы для педагога. Учитель должен быть открытым и готовым к сотрудничеству, оказывать помощь родителям при влиянии на умственно отсталого ребенка. Обязательным в работе с ребенком с УО является предъявление единых требований от педагога и от родителей, должна быть общая линия в воспитательной работе.

Правила взаимоотношений

1. В основе работы преподавателя с семьей ребенка с УО должны быть действия и мероприятия, направленные на развитие и укрепление уважения ребенка к родителям, к их мнению. Так же, как и уважение родителей к личности ребенка [10]. Необходимо осуществлять работу с семьей по принятию ребенка с УО таким, какой он есть. Это значительно облегчит ситуацию и снимет напряжение во взаимоотношениях в семье. Ребенок с УО так же, как и все дети нуждается в любви, ласке, заботе и признании. Родители особенно должны отмечать его достижения, пусть даже самые незначительные. Хвалить ребенка за его маленькие победы необходимо, он должен чувствовать родительскую гордость за него, чтобы было желание совершать еще какие-то хорошие поступки.

Недопустим нравоучительный, категоричный тон в работе с семьей, результатом могут стать серьезные обиды и недовольства родителей. Потребность посоветоваться после такого отношения – исчезает. Родители еще больше становятся не довольны своими детьми. В семье на этой почве нередко обостряются отношения между супругами. В конечном итоге все это отражается на ребенке.

Зачастую родители знают свои обязанности, но важно знать не только, что делать, но и как делать.

2. Важно доверять воспитательным возможностям родителей. Психологически они готовы поддержать требования педагога и школы. Даже те родители, которые не имеют педагогической подготовки и соответствующего образования, с большой ответственностью и пониманием относятся к воспитанию своих детей [7].

3. Недопустимо неосторожное вмешательство учителя в жизнь семьи. Есть определенные границы дозволенного. Педагог должен быть тактичным, доброжелательным, уважать личное пространство семьи и все знания о ней направлять в оказание помощи в преодолении трудностей воспитания.

4. Учителю необходимо иметь положительный, жизнеутверждающий настрой в решении проблем воспитания. Нужно ориентироваться на положительные качества ребенка и обращать на них внимание родителей, опираться на сильные стороны семейного воспитания, ориентируя на успешное развитие личности ребенка [4].

Формирование характера УО ребенка не обходится без определенных трудностей. Сегодня очевидно, что педагог, работающий с детьми с УО и с их семьями должен опираться на принципы педагогической этики. Важно, чтобы жизнь ребенка была наполнена содержательной деятельностью и общением. Преподаватели, соблюдая нормы педагогической этики, создают необходимые условия для формирования положительных черт характера и нравственных качеств личности УО ребенка.

Этическое образование становится более эффективным за счет «гибкости», благодаря которой на разных уровнях (дошкольный, довузовский, бакалавриат, магистратура, аспирантура) происходит формирование этических компетенций, ко-

торы в результате применения усложнённых образовательных технологий становятся более развиты [5; с. 244].

Библиографический список

1. Азаров Ю. Искусство воспитывать. М., 1978.
2. Белкин А.С. Нравственное воспитание учащихся вспомогательной школы. М., 1997.
3. Беляева О.Л. Образование лиц с ограниченными возможностями здоровья: проблемы и решения современности: методические рекомендации для начинающих специалистов / О.Л. Беляева, Е.Ю. Лёвина, Е.Ю. Мозякова, Е.В. Реди, А.Ф. Гох, А.В. Мамаева; отв. ред. Е.А. Черенёва / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2015. 172 с. (Социальные практики инклюзивного образования).
4. Дмитриев Д.В. Нравственно-этическое воспитание детей с умеренной, тяжёлой и глубокой умственной отсталостью [электронный ресурс] / библиотека материалов для работников школы. URL: <https://nsportal.ru/shkola/korreksionnaya-pedagogika/library/2014/02/14/nravstvenno-eticheskoe-vospitanie-detey-s> – (Дата обращения: 21.10.2017).
5. Культура и этика нового мира: кол. монография / отв. ред. Ю.Н. Москвич. Красноярск: Изд-во «Литера-принт», 2009. – Вып. 6. 286 с. (Библиотека актуальной философии).
6. Минеев В.В. Парная работа на семинарах по философии: учебное пособие для студентов вузов. Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2013. 132 с.
7. Овчарова Р.В. Практическая психология в начальной школе. М, 1996.
8. Писаренко В., Писаренко И. Педагогическая этика. Минск, 1986.
9. Фатихова Л.Ф. Нравственные представления детей с умственной отсталостью [Электронный ресурс] / научная электронная библиотека «Киберленинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/nravstvennyye-predstavleniya-detey-s-umstvennoy-otstalostyu> (дата обращения: 20.10.2017).
10. Якобсон С.Г. Психологические проблемы этического развития детей. М., 1984.

ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙ КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ АУТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

А.Ф. Гох

Научный руководитель: **Е.Н. Викторук**

Философская антропология, культурная антропология, культура, аутизм, аутичная культура.

В статье рассматриваются некоторые основополагающие идеи, сформулированные Михаэлем Ландманом для целостного понимания человека. Культурно-антропологическая концепция, разработанная Ландманом, рассматривается автором как историко-философский метод обоснования и признания аутичной культуры.

VALUE OF IDEAS OF CULTURAL ANTHROPOLOGY FOR UNDERSTANDING OF AUTICHNY CULTURE

A.F. Gokh

Scientific director: **E.N. Victoruk**

Philosophical anthropology, cultural anthropology, culture, autism, autichny culture.

In article some fundamental ideas formulated by Michael Landmann for complete understanding of the person are considered. The cultural and anthropological concept developed by Landmann, is considered by the author as a historical and philosophical method of justification and recognition of autichny culture.

Для целостного рассмотрения феномена аутизма, принадлежащего человеку, представляется логичным рассмотреть что представляет из себя сам человек. В качестве методологии исследования мы будем опираться на системный историко-философский метод. Обратившись к мифам, религии, этике, метафизике, теории познания, общественной теории, ставящих своей задачей определения статуса человека, мы не находим ни полноты ответа, ни значимости человека как проекта, как феномена. Тем не менее, нельзя преуменьшать значимость указанных направлений в пе-

реориентации философии XX века в сторону антропологии и возникновения философской антропологии как самостоятельного направления.

Основоположником философской антропологии считается Макс Шелер (1874-1928), попытавшийся найти ответ на вопрос: – Что есть человек? Ученый отверг предыдущие объяснения о человеке естественных и гуманитарных наук, а сосредоточил познание человека с позиции философской антропологии, которая опиралась на достижения в области биологии и этнологии того времени, а также феноменологии и философии жизни.

Притязания именно философской антропологии на целостное понимание человека мы находим в трудах Михаэля Ландмана. Помимо созданной им культурно-антропологической концепции, выдвинувшей его в число наиболее значимых философов, Ландман занимался еще философией сознания, социологией, эстетикой и этикой. Философ предложил рассматривать человека как творца культуры, и как творение последней. Причем, как человек творит различные культуры, так и культуры создают разных людей. Поэтому рассматривается как культурное, так и историческое начала единым целым [16].

Ландман рассматривает культуру как объективный дух. И делает вывод, что объективный дух не может существовать без субъективного (человека), так и человек не может существовать без объективного духа. А зримыми они становятся только на фоне друг друга.

Философ определяет значимость объективного духа для человека при выполнении ряда жизненно важных задач и неисполнимых без его участия:

1. Идеи и чувства в душе человека приобретают ясность и определенность только при их выражении вовне себя.

2. Объективный дух сохраняет и передает следующим поколениям накопленный опыт, знания, умения.

3. Накопленный опыт становится необходимым условием для рождения нового опыта, то есть постоянное воспроизведение феномена накопления, дающая возможность развития человечества [21].

Ландман рассуждает о том, как некоторые антропологи сравнивают человека и животное, и что результатом таких дискурсов становится «ущербность» как одних, так и других, в зависимости от точки рассмотрения [21]. А не похожи ли такие же сравнения человека с аутизмом и человека без оного? Привычнее мы слышим об «ущербности» носителей аутизма, нежели обратную точку зрения. Как здесь не вспомнить крылатые фразы великого гуманиста Альберта Швейцера: «Свобода мышлений изъята из употребления, ибо миллионы отказываются мыслить», так как зачастую «сочетание учености с предвзятостью стало обычным» [23; s. 32]. Ландману удастся избежать абсурдность таких противопоставлений, характерных для эволюционистского принципа развития человека, и предложить собственный метод –антропологии объективного духа или, привычнее для нас, культурной антропологии. Этот метод становится у него «важным инструментом трактовки самой человеческой истории как истории плюрализма, самоценных и равноправных культур, несводимых одна к другой и необъяснимых друг другом» [6; с. 114].

Нас интересует значимость культурной антропологии при исследовании феномена «Аутизм», но прежде чем обратиться к ней необходимо прояснить само понятие «Культура». В научных источниках даются более 500 определений культуры. Из-за такого разнообразия не представляется возможным остановиться на одном из них, как наиболее достоверном. Мы предлагаем с помощью герменевтики обратиться-

ся к нозмам культуры в античности. Почему именно герменевтики? «Жизнь, пишет Дильтей, «в отдельных частях может быть и что-то ясное, но в целом нечто совершенно загадочное», так как любое событие здесь порождено сложным столкновением и переплетением «наших инстинктов и чувств в нас с окружающим и судьбой вне нас». Поэтому точные формулы здесь невозможны, а достоверность знания совершенно отличается от общезначимых истин в «науках о природе». Именно это определяет специфику познавательной методологии в «науках о культуре». Понять «жизнь» можно только из нее самой с помощью герменевтики, то есть истолкования отдельных явлений культурно-исторической реальности как моментов целостной духовной жизни реконструируемой эпохи, интуитивно проникнувшись их своеобразием» [8; с. 33].

Первое упоминание датируется 234-148 г. до н.э. в трактате «De agri cultura», переводимый с латыни как «Земледелие». Трактат повествует о вкладывании души в возделывание земель, без «возделывания» души не будет культуры. Здесь впервые закладывается присвоение культуры субъекту. В Древней Греции культуре души соответствовал термин παιδεία (пайдейя) или дословно – воспитание детей. Поскольку фигурирование термина в сочинениях Платона и Аристотеля носило, так или иначе, возделывание природы человеком, а потому созвучно латинскому «cultura». Если мы обратимся к латинскому языку в поисках синонимов, то неожиданно находим соответствующее слово «humanitas» – неписанный кодекс поведения. А поскольку феномен аутизма породил активное общественное движение, базирующееся на гуманизме (humanitas) – человечности, то исследование феномена не только возможно, а и раскрывается интеллигибельность (intelligibilis) именно в контексте культурной антропологии.

Учитывая существенное влияние экзогенных факторов, таких как «восприятие и освоение иномонадных духовных ценностей [1]» на формирование культуры, как таковой, нельзя не учитывать, что «перепад из монады в монаду алогичен не только потому, что он мгновенно переносит в иное смысловое пространство, так что между со–бытиями устанавливается не связь генетической преемственности и даже не противостояние, а смысловая несоизмеримость. Логическое отслеживание этих радикальных трансформаций невозможно уже потому, что любая смысловая связь ограничена внутримонадными топологическими констелляциями» [10].

Так как нам важен результат воздействия на устойчивую монаду, а это возможно только за счет имманентного эффекта. Нам ничего не остается другого как подобрать смысловой ключ сингулярности к монаде. Как утверждает Н.Н. Иванова, такое возможно «проработкой переоткрываемых топосов. Прежде всего – экваториальных, образующих в со–бытии основное пространство проблематического» [10].

Наше исследование имеет своей целью поиск такого смыслового ключа к «*Homo sapiens*», который позволит последним рассмотреть невидимую (или не замечаемую?) сторону культурных ценностей живущих рядом, но инаковых.

Культурная антропология рассматривает культуру важнейшим условием адаптации человека в окружающий мир. Культура – это некая система символов, выражаемая через язык, мифы, ритуалы, обычаи, законы, идеи, принципы и т.д. Есть еще и материальная сторона культуры, выражаемая в архитектуре, орудиях труда, типах среды и т.д. Через культуру становится возможным сложить КАРТИНУ ЧЕЛОВЕКА (КЧ). Ландман поясняет: «Так же, как каждый человек постоянно осознанно или неосознанно имеет мировоззрение, так и каждый человек еще по сю сторону

всех и всяческих философий имеет воззрение на человека. Любая религия и поэзия, любая рефлексия раннего времени уже имеет КАРТИНУ ЧЕЛОВЕКА» [21; с. 13]. Самоидентификация своего – Я в определенной культуре не закрывает личность в закрытых границах этой культуры. Наоборот, культурный релятивизм помогает размыть эти границы до взаимопроникновения, понимания и достойного уважения других культур. И это становится возможным, если мы противопоставляем синтетической теории эволюции и другим тождественным методам, ландмановский метод – типологию. Только предложенная типология позволяет приоткрыть понимание развития человечества, его культуры и складывающуюся КЧ, независимо от времени и места. Сам Ландман поясняет, что во-первых, развитие «не всегда идет вертикально к более высокому или более глубокому, а очень часто горизонтально, просто к другому более раннему, паратактически подчиненному.

... во-вторых, она спасает, в противоположность старому эволюционизму, не только самоценность более Позднего..., но также самоценность более Раннего, ведь она понимает развитие как равноуровнево-координирующее» [22; с. 185].

Можно не соглашаться с Ландманом, критиковать и дискутировать, но он очень точно обозначил самоценность и равноправие культур, о чем мы указывали выше. А этот довод для нашего целеполагания оказывается фундаментальным.

Главной формой выражения культуры и одним из ее признаков является язык. Появление языка или знаковой системы возникает с целью коммуникации, поскольку последняя является одной из основных потребностей человека [12]. Алефиренко Н.Ф. также подтверждает, что «информационно-деятельностная специфика человеческого общества – не в самоценном обладании коллективной не-

наследственной памятью (зд. культурой), а в наличии особых систем накопления, хранения и передачи коллективной информации, важнейшей из которых является язык» [2]. Но язык является не только средством, обслуживающим культуру, но и «служит предпосылкой ее возникновения, основным способом существования, осознания и развития» [2]. И проблемы коммуникативного плана, в том числе и отсутствие речи, слуха, зрения предопределяют появление новых знаковых систем. Такие же коммуникативные проблемы присущи и аутизму, о чем свидетельствуют, к примеру, те же диагностические критерии нозологии. И стремительно развивающаяся в настоящее время языковая система аутистов является ничем иным, как отражением их культуры. Появление аутичных сообществ, движений, адвокации и самоадвокации, наряду с языком, позволяют утверждать о возникновении новой «аутичной культуры».

Что предлагает культура «человечности» в отношении аутизма? Поскольку аутизм загадочное, непознаваемое, и именно заболевание, оно наводит страх и угрозу для всего остального человечества, а отсюда и закрепившаяся ксенофобия. Обязанность человечества – переделать, перестроить, а еще лучше медикаментозно искоренить аутизм. Такие устремления вполне присущи геноциду. Следует откровенно признаться в этом и устремить свои помыслы в сторону признания культуры аутизма, уважения прав носителей аутизма и равноправных отношений. Можно обратиться к наследию М. Фуко и развернуть вопрос о том что такое человек, к вопросу о том, как и почему мы узнаем о том, кто мы такие [5]. Характеристики третьего этапа «клиники», по Фуко, позволяют понять, что аутизм – не абстрактная болезнь, которую необходимо подчинить и уничтожить, а реальность, неподвластная принудительному господству извне [4]. Мы не преследуем цель навязать культурную

апроприацию какой либо из сторон. Неаутистам следует преодолеть свой этноцентризм, эгоцентризм и прочие центризмы [19], поскольку лишь равноправный диалог, порождает новые, устремленные в более высокие сферы гуманизма, смыслы со-существования и новые, пока не достаточно изведенные, формы со-бытия.

Можно использовать идею проектирования – разработку элементов культуры в целях определения обоснованности существования аутичной культуры. Главная задача – не поддаваться соблазну насильственно притягивать такие элементы самим вместо аутистов [13].

Все более мощным становится поток воззваний от аутистов (Кассиан Сибли, Мелани Яргау, Эбби Грейс, Майкл Скотт Мони, Эми Секвензии, Ник Уолкер, Синтия Ким, а также отраженные в произведениях «Недостойное поведение бихевиаристов» Майкла Давсона, «Клинически значимые нарушения» Мелани Яргау, антологии «Напечатанные слова – громкие слова» и романе Майкла Скотта Мони «Дерзкий») к человечеству, что аутизм является неременным атрибутом их личности, их культуры, их «уникальности» [9], [11]. Но «власть – это обстоятельство, которое не требует от того, кто ей обладает, чему-то дополнительно учиться» [9]. Навешивание ярлыков на аутистов об отсутствии эмпатии, об умственной неполноценности, о нежелании вступать в коммуникацию, об асоциальности и др., лишь подтверждает доминирующее положение неаутистов, нежелающих услышать иного. Все рассуждения укладываются в парадигму патологии и отвергают выдвигаемую аутичными людьми парадигму нейроразнообразия [17].

Аутичная культура принимает людей такими, какие они есть, ценит общение в любой доступной форме, отвергает деление людей по уровню их функциональности, уважает жизненно необходимые потребности каждого, защищает

свое «аутичное сообщество» (аутисты) от «сообщества аутизма» (родители, специалисты, терапевты).

Лучшим подтверждением существования аутичной культуры является движение аутической самоадвокации, наличие в социальных сетях аутичных блогеров, сайтов аутистов и для аутистов.

Мы можем критически и с недоверием относиться к формирующейся аутичной культуре, но не принимать ее во внимание, по меньшей мере, нерационально. Безусловно мы еще находимся во власти представлений первых аутичных самоадвокатов (Темпл Грандин, Донна Уильямс, Томас Маккин, Гунилла Герланд, Лиана Холлидей Уилли и др.), но их сообщения находились в парадигме патологии, поскольку направлены были, в первую очередь, на родителей, а не на аутичное сообщество. Учитывая то, что Томас Кун, впервые использовавший понятие парадигмы, обратил внимание на логический круг – когда научным сообществом признаются достижения, очерченные определенной парадигмой, в свою очередь, парадигма является тем, что объединяет это научное сообщество. Логический круг неизменно порождает определенные проблемы [13]. Поэтому мы использовали, что «научные сообщества могут и должны быть выделены как объект без обращения к парадигме; последняя может быть обнаружена затем путем тщательного изучения поведения членов данного сообщества» [14].

Лишь с появлением сетевого информационного поля стало доступно формирование движения самоадвокации. Пионером сетевой самоадвокации стала учрежденная Джимом Синклером (родитель аутиста) и Донной Уильямс (аутист) Аутическая сетевая международная организация (Autism Network International (ANI) [7]. В настоящее время проблематично сделать достоверный обзор всего самоадвокатского движения, настолько он стал разноо-

бразным, с множеством сообществ, идей и коммуникативных форм.

Аутичная культура, как и любая культура, предполагает наличие особых ключевых слов, характеризующих ее [20]. Эвфемизмы в сфере аблеизма (англ. ableism – дискриминация инвалидов или предубежденное отношение к ним), а также ключевые слова аутичной культуры соединяют в себе идеи равенства, свободы и независимости [15]. Ник Уолкер, взрослый аутист, утверждает, что пропаганда языковых оборотов называющая носителей аутизма как «человек с аутизмом», либо «страдающий аутизмом» и имеющая подавляющее большинство поборников такой лингвистической линии среди неаутистов, успешно ложится в «прокрустово ложе» парадигмы патологии [17]. Выражения «особые потребности» и «специальные потребности» для многих аутистов являются триггером [24]. Вмешательство в когнитивную работу мозга породил в аутичной среде термин – «когнитивное освобождение», как протест против произвола человечества. А Раем Сентентиа и Ричардом Гленом Боиром был создан «Центр Когнитивного Освобождения и Этики» (Center for Cognitive Liberty and Ethics) [18].

Наше исследование, с опорой на культурную антропологию, предоставляет возможность более скрупулезно рассматривать состоятельность(?) феномена «Аутизм» как самостоятельной культуры. Но как же порою непреодолимым становится такое признание для доминирующей культуры. Даже, если предположить, что количество аутистов будет превалировать в общем населении, то аутичная культура никогда не станет доминантой. Скорее всего, будет происходить агрессивное окультуривание аутистов, наблюдаемое и в настоящее время.

Автор выражает благодарность Е.Н. Викторук за предоставленный анализ творчества М. Ландмана на русском языке.

Библиографический список

1. Ажыбекова К.А., Тогусаков О.А., Брусиловский Д.А. Коррелятивная взаимосвязь культуры и цивилизации (методологические аспекты) // Общество: философия, история, культура. 2017. Вып. 3. С. 9–16.
2. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. М.: Флинта, 2005. С. 270.
3. Борман А.Моя жизнь. 2017. URL: <https://neurodiversityinrussia.com/2017/04/29/моя-жизнь/#more-11041>
4. Викторук Е.Н., Гох А.Ф. Дефиниция аутизма: от диагноза до незавершенной медицинской истины. Сибирский вестник специального образования / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2016. №1-2 (16-17).
5. Викторук Е.Н., Минеев В.В. Реализация методологического потенциала философии Мишеля Фуко в практике врача, педагога и психолога. Сибирский вестник специального образования. Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск. №1-2 (16-17). 2016.
6. Григорьян Б.Т. Философская антропология: критич. очерк. М.: Мысль, 1982. 188 с. С. 114.
7. Деккер М. Возникновение аутической культуры. 1999. <http://www.aspergers.ru/node/229>
8. Добрынина В.И. Философия XX века: учебное пособие. М.: ЦИНО общества «Знание» России, 1997. 288 с. С. 33.
9. Дойч К. Нервы управления: модели политической коммуникации и контроля. Нью-Йорк. 1963.
10. Иванова Н.Н. Рефлексивная монадология // Метафизические исследования: Сознание. СПб.: Алетейя, 1998. Вып. 6. С. 39–61.
11. Кассиан Сибли «Подросткам и взрослым, узнавшим о своем диагнозе». URL: <http://timetolisten.blogspot.ru/2013/09/indistinguishable-from-peers.html>
12. Кронгауз М.А. Публичные лекции «Полит.ру». 2009. URL: <http://polit.ru/article/2009/03/19/communication/>

13. Культура и этика нового мира: кол. монография / отв. ред. Ю.Н. Москвич. Красноярск: Изд-во «Литера-принт», 2009. Вып. 6. 286 с. (Библиотека актуальной философии)
14. Кун Т. Структура научных революций. М.: Наука, 1975.
15. Санков М.И. К вопросу о существовании культуры инвалидности в США. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества // Жур.: Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2012. № 11. С. 144–147. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20918811_31582314.pdf
16. Трубочев С.А. Философская антропология М. Ландмана: дис. ... канд. филос. наук. М., 2006.
17. Уолкер Н. Избавься от инструментов хозяина: освобождаясь от парадигмы патологии. 2013. URL: <http://neurocosmopolitanism.com/throw-away-the-masters-tools-liberating-ourselves-from-the-pathology-paradigm/>
18. Уолкер Н. Нейротипичный психотерапевт и нейроотличный клиент. 2015. URL: <https://neurodiversityinrussia.com/2015/11/06/ник-волкер/>
19. Фонд творческих проектов. Основные признаки культуры и принципы диалога культур. URL: <http://www.ftp-culture.ru/kultart/osnovnye-priznaki-kultury-i-printsipy-dial>
20. Jaeger P.T., Bowman C.A. Understanding Disability: Inclusion, Access, Diversity and Civil Rights. Praeger, 2005. с. 18
21. Landmann M. Philosophische Anthropologie. Menschliche Selbstdeutung in Geschichte und Gegenwart. Berlin.: Gryter, 1955.-224 S.
22. Landmann M. Fundamental Anthropologic. Bonn.: Bouvier, 1979.-309 S.
23. Schwitzer A. Kultur und Ethik, Munchen, 1960. 392 S.
24. Sutton M. My needs are not “special”. 2016. URL: <https://michellesuttonwrites.com/2016/05/26/my-needs-are-not-special/>

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЯ ОБЩЕСТВА К ДЕТЯМ С ОСОБЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ

А.Г. Литвинова, Г.К. Антошечкина
Научный руководитель: **Е.Н. Викторук**

Дети с особыми образовательными потребностями, дети с ограниченными возможностями здоровья, история отношения различных эпох и обществ к рождению и существованию детей с различными нарушениями в интеллектуальном и физическом развитии, специальные учебные заведения, интегративный подход к обучению, гуманистическая эволюция общества.

Рассматривается история отношения различных эпох и обществ к рождению и существованию детей с различными нарушениями в интеллектуальном и физическом развитии. В современном обществе государство объявляет смену отношения к детям с ОВЗ от жалости до признания их равноправными, полноценными гражданами России и совершает свои первые шаги в реализации курса интеграции их в социум. Не остаётся в стороне и Красноярский край от данных тенденций, которые отражены в данной статье.

EVOLUTION OF THE ATTITUDE OF SOCIETY TOWARDS CHILDREN WITH SPECIAL EDUCATIONAL NEEDS

A.G. Litvinova, G.K. Antoshechkina
Scientific director: **E.N. Victoruk**

Children with special educational needs, children with disabilities of health, the history of the attitude of different eras and societies toward the birth and survival of children with various disorders in the intellectual and physical development is considered, special schools, integrative approach to learning, humanistic evolution of society.

The history of the attitude of different eras and societies toward the birth and survival of children with various disorders in the intellectual and physical development is considered. In modern society the government declares the change of attitude towards children with disabilities from compassion to admition them as equal and valuable citizens of Russia and it makes its first steps in the implementation of the course of their integration in society. Krasnoyarsk region is also in this trends, which are presented in this article.

Общество всегда относилось неоднозначно к детям с ограниченными возможностями здоровья. Люди испытывали на протяжении многих веков к ним противоречивые чувства – от злости и ненависти до жалости и сочувствия.

Дж. Ньюман считает, что отношение к людям с нарушениями в развитии формируются в результате исторических процессов, которые руководствуются философскими понятиями гуманизма и прав человека, являются частью западной культуры с древних времён и до наших дней. [18].

Изменение отношения общества к детям с ОВЗ легко проследить в смене терминологии, обозначающей детей с отклонениями в развитии.

Так, в первой половине XX в. известный дефектолог В. П. Кащенко ввел в научную лексику выражение «дефективные дети». К этой категории относились преимущественно дети с различными аномалиями развития, чаще всего обусловленными органическими недостатками.

Почти одновременно с этим термином В. П. Кащенко стал использовать термин «исключительные дети» – в эту категорию входили дети, имеющие аномалии, связанные с неблагоприятными социальными ситуациями при первичной нормальной психосоматической конституции [4].

Согласно исследованиям В. А. Постоевой, в начале 20 века по отношению к детям с отклонениями в развитии применялся термин «аномальные дети». Семантика терминов этого времени отражает взгляды общества на «ненормативность», «ненормальность», «отклонение» детей и, таким образом, свидетельствует о неприятии, настороженности современников по отношению к особым детям [13].

Последующее изменение терминологии области терминологии области педагогического знания, занимающейся изучением детей с нарушениями развития, связано с изменением отношения мирового сообщества к людям с ограниченными возможностями.

В Англии, в 1978 году исследователь Мэри Уорнок впервые использовала термин «дети с ограниченными возможностями здоровья» [14].

В начале 1990-х гг. с принятием международных актов, определяющих права лиц с нарушениями отечественная специальная педагогика стала пополняться зарубежной терминологией: «лица с ограниченными возможностями здоровья», «дети с особыми нуждами», «дети с особыми образовательными потребностями».

В трудах выдающегося учёного Л. С. Выготского «Основы дефектологии», «Принципы социального воспитания глухонемых детей» обоснована идея необходимости изменения отношения общества к аномальным детям. Более того, Выготский считал, что основной задачей воспитания ребёнка с нарушением развития является его интеграция в жизнь и создание компенсации его недостатка каким-либо другим путём.

По данным социологического исследования «Отношение общества к детям с ОВЗ», выполненного по заказу Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в 2016 г. Национальным исследовательским университетом Высшая школа экономики, большинство опрошенных жителей России считают, что особенным детям не место в школах-интернатах и любой ребёнок достоин воспитываться в семье. Так же, большинство респондентов абсолютно согласны с тем, что дети с ОВЗ, при условии заботы об их адаптации и образовании, смогут независимо от других обеспечивать себя и внести вклад в общественную деятельность, так как не отличаются от остальных детей по своим человеческим качествам.

Около половины россиян (45,2%) полагают, что чаще всего люди эмоционально положительно реагируют на присутствие ребенка-инвалида в общественных местах. Эмоционально отрицательно (с раздражением, испугом) реагиру-

ют 20 % опрошенных, и 24% безразлично присутствие особенных детей [12].

В ранних обществах дети с ОВЗ считались обузой, неполноценными членами общества, у которых нет будущего смысла существования. В эпоху раннего Средневековья представление о физических дефектах понималось как наказание за грехи предков. Часто таких детей сторонились, пытались изолировать их [15].

По мере взросления и становления человеческого общества, роста материального благосостояния отношение к детям с ОВЗ менялось в положительную сторону. В странах Запада детей с ОВЗ стали воспринимать как равноправных членов социума, при этом нуждающихся в удовлетворении потребностей, которые общество должно реализовывать.

В истории становления человеческой цивилизации выделяют несколько периодов, показывающих, как менялось отношение общества к детям с ОВЗ.

Первый период – период от агрессивного настроения к осознанию необходимости заботиться о людях, имеющих дефекты в развитии. В период античности, людей, у которых был физический или умственный недостаток не считали гражданами, поэтому их уничтожали или предоставляли самому себе. Большое влияние оказало на смену отношения к таким детям открытие в Западной Европе в Баварии первого приюта для слепых в 1198 г.

Второй период – обретение ребенком с особыми образовательными потребностями права на призрение. Началом периода является открытие в Париже специальных школ для глухонемых (1770 г.) и для слепых (1784 г.).

Третий период – обретение права на специальное обучение слепыми, глухими, и умственно отсталыми детьми. Момент принятия в Западной Европе системы законов об обязательном начальном образовании глухих, слепых и умственно отсталых детей.

Четвертый период – получение возможности и права на специальное обучение. Обществу приходит понимание того, что все дети, имеющие какой-либо дефект в развитии должны иметь образование, обучаться.

Пятый период – основан на том, что дети с ОВЗ имеют право как на специальное, так и на интегрированное обучение, в которое вовлечены все высоко развитые страны. В данный период происходит перестройка основ специального образования в западноевропейских странах, специальных школ становится меньше, увеличивается количество специальных классов в общеобразовательных школах.

В современном обществе государство объявляет смену отношения к детям с ОВЗ от жалости до признания их равноправными, полноценными гражданами России и совершает свои первые шаги в реализации курса интеграции их в социум. Не остается в стороне и Красноярский край от данных тенденций. Помощь детям с ОВЗ на протяжении многих десятилетий являлась приоритетным направлением деятельности руководства края. В 1922 году в городе Красноярске было открыто первое специализированное учреждение для обучения глухих детей.

В 70-80-е годы прошлого века сеть специальных учреждений приумножилась школами для детей с нарушением зрения, слуха, интеллекта, речи, нарушениями опорно – двигательного аппарата. В 2003 году в крае была принята первая концепция специального образования, основной целью которой являлась консолидация ресурсов государственных и муниципальных учреждений в создании условий для обучения детей с ОВЗ [3].

Для того чтобы обеспечить высокий уровень социальной, психологической адаптации детей с ОВЗ, в крае активно развивается инклюзивное образование и реализуется программа «Доступная среда», направленная на создание безбарьерного городского пространства. Краевая систе-

мы образования выстроена таким образом, что при развитии инклюзивного образования сохраняются специальные школы, детские сады, школы дистанционного образования для детей-инвалидов [3].

Образование детей с ОВЗ осуществляется либо инклюзивно в обычных классах, либо в отдельных классах или группах. В 2016–2017 учебном году инклюзивное образование предоставляется около 6,5 тыс. детей с ОВЗ. По сравнению с 2015–2016 учебным годом количество детей с ОВЗ обучающихся инклюзивно возросло на 613 обучающихся (было 5 931).

При этом сокращается число детей, обучающихся в муниципальных школах в отдельных классах, группах [15].

В Красноярске и Красноярском крае реализуется большое количество культурно-спортивных мероприятий для детей с ОВЗ. Каждый год среди обучающихся государственных бюджетных специальных образовательных учреждений проводится краевой фестиваль творчества «Поверь в себя!», олимпиада «Мир вокруг нас», конкурс «Лучший по профессии», соревнования по баскетболу, лёгкой атлетике, лыжные гонки, «Весёлые старты», способствующие развитию творческих способностей, физических возможностей и адаптации в социуме.

Краевое государственное бюджетное учреждение культуры «Красноярская специальная библиотека» представляет собой место реабилитации инвалидов по зрению. За счет бюджета края в библиотеку приобретено уникальное оборудование для осуществления социально-культурной реабилитации инвалидов – «Читающая машина», позволяющее слепому ребёнку читать плоскочечатные тексты с помощью синтеза речи. В Красноярском краевом краеведческом музее для детей с ограниченными возможностями здоровья бесплатно организуются экскурсии по музею, проводятся специальные уроки, творческие занятия, концерты.

МБУ СО Центр «Радуга» разрабатывает различные интересные проекты: «Со спортом по жизни», «В гостях у сказки», «Творческая мастерская», «Учебно-тренировочная квартира».

Клуб «Открытые сердца» осуществляет работу по нескольким направлениям: театральная студия «Открытый театр» и программа «Спорт+». В клубе имеются проводятся занятия по развитию моторики, двигательных навыков у ребенка.

МБУ «Сознание» организует модные среди молодых людей флеш-мобы, акции, включающие в себя идеи равноправия, толерантности.

Начиная с 2003 года муниципальное бюджетное учреждение «Центр социальной помощи семье и детям «Первомайский» начало свое сотрудничество с Городской ассоциацией общественных объединений родителей детей-инвалидов (ГАООРДИ) г. Санкт-Петербурга. Итогом совместной деятельности стали успешно реализованные социальные проекты, направленные на социальную адаптацию людей с инвалидностью. Один из них – участие детей и подростков Кировского района г. Красноярска в фестивале изобразительного творчества людей с ограниченными возможностями здоровья «Царскосельский вернисаж».

Так в Красноярске и Красноярском крае усилиями государства и общественных организаций формируется этика отношения к детям с ОВЗ как к активным членам общества, как к людям, имеющим желание и возможность всестороннего развития и интеграции в трудовую деятельность и творчество. То, что сегодня делается в городе для особых детей и их семей подтверждает открытость общественности к их проблемам и готовность включаться в решение их проблем, создавать условия для активного участия особенных детей в жизни города. А это значит, что фундамент инклю-

живной философии в нашем замечательном, богатом, просторном крае уже заложен.

Совместно с особенными детьми, мы закладываем город будущего с новой культурой – город, в котором хочется жить. Дети с особыми образовательными потребностями меняют мир, судьбу человечества, все сферы жизни общества. Они способствуют нашему нравственному, духовному подъему. Заставляют нас эволюционировать внутренне.

Библиографический список

1. Акатов Л.И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. Психологические основы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2003. 368 с.
2. Викторук Е.Н., Минеев В.В., Черняева А.С. История и философия науки: от эпистемологии к этике: учебное пособие для аспирантов. Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2017. 172 с.
3. Введение ФГОС начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, ФГОС образования обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями): от теории к практике: материалы III Краевого педагогического форума / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева; под ред. И.П. Цвелюх, М.В. Холина, С.В. Шандыбо. Красноярск, 2017. 280 с.
4. Думбаев А.Е, Попова Т.В. Инвалид, общество и право. Алматы: Верена, 2006. 180 с.
5. Замский С. История олигофренопедагогики. М.: Просвещение, 1980. 384 с.
6. Кащенко В. П. Педагогическая коррекция: Исправление недостатков характера у детей и подростков. М.: Академия, 2010. 304 с.
7. Кетриш Е. В. Эволюция отношения общества к детям с нарушениями в развитии // Научный диалог. 2015. № 7 (43). С. 8–26.

8. Лунев И. Отвержение. Жалость. Милосердие: из истории отношения к особым людям: беседа с психотерапевтом А. Колесиным [Электронный ресурс]. URL: <http://www.miloserdie.ru/articles/otverzhenie-zhalost> (дата обращения: 10.10.17).
9. Малофеев Н. Н. Особый ребёнок – вчера, сегодня, завтра. (Образование и психолого-педагогическая помощь детям с ограниченными возможностями здоровья в XXI веке). М.: Институт коррекционной педагогики, 2007. 145 с.
10. Малофеев Н. Н. Специальное образование в России и за рубежом: в 2 ч. М.: Печатный двор, 1996. 182 с.
11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу о гражданах с ограниченными возможностями здоровья: Федеральный закон от 30.06.2007 г. № 120-ФЗ (ред. от 02.07.2013).
12. Отношение общества к детям с ограниченными возможностями здоровья и детям-инвалидам. М.: Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 2017. 72 с.
13. Постоева В.А. Коррекционная педагогика с основами специальной психологии. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 292 с.
14. Рагнер Ф.Л. История становления и развития идей инклюзивного образования // Исторические, философские, политические и юридические науки вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 12. С.162–163.
15. Циткилов П.Я. История социальной работы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 279 с.
16. Шандыбо С.В. Практика развития инклюзивного образования в Красноярском крае: специфика, принципы, задачи // Сотрудничество. 2010. № 2–3. С. 12.
17. Шипицына Л. М. Интегрированное обучение детей с проблемами в развитии // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. 1995. № 3. С. 29–36.
18. Newman, J. Handicapped persons and their families: Philosophical, historical, and legislative perspectives / J. Newman. – In : The family with a handicapped child / M. Seligman (ed.). – 2nd ed. – Boston : Allyn & Bacon, 1991. – Pp. 1 – 26.

**«ЗАЧЕМ Я РОДИЛСЯ, ЕСЛИ УМРУ»,
ИЛИ НЕСКОЛЬКО СЛОВ
О ПРОБЛЕМЕ СМЫСЛА ЖИЗНИ**

Н.И. Лобанова, Л.В. Логунова

Вопрошание, смысл, человек, обеспокоенность, животное.

В данной статье (на примере постановки вопроса о смысле жизни) автор пытается проанализировать некоторые особенности человеческого вопрошания, отличающие его от аналогичной (в определенных аспектах и ситуациях) обеспокоенности животного.

**“WHY WAS I BORN IF I DIE?”, OR A FEW WORDS
ABOUT THE PROBLEM OF THE MEANING OF LIFE**

N.I. Lobanova, L.V. Logunova

Inquiry, sense, person, concern, animal.

In this article (for example, the question about the meaning of life), the author attempts to analyze some features of human inquiry that distinguish it from similar (in certain aspects and situations) concerns the animal.

Ю.М. Лотман как-то заметил, что «вопреки пространенному до банальности представлению, принципиальное отличие человека от животного нигде не проявляется с такой убедительной резкостью, как в ребенке» [2]. Наиболее ярким «проявлением человеческой природы» в ребенке оказывается не только употребление имен собственных, но и неустанное задавание вопросов. Последнее является чертой, которая, с одной стороны, изобличает в ребенке человека, а с другой – сближает его с философом. Философы и дети являются теми людьми, для которых вопрос становится неотъемлемой частью их отношения к миру. Не случайно с «вечными» (философскими) вопросами мы сталкиваемся впервые именно в детском возрасте. Как отмечает Т. Нагель: «Уже к четырнадцати годам многие подростки начинают самостоятельно размышлять над сугубо философскими проблемами: что существует на самом деле? можем ли мы

что-нибудь знать? существует ли действительно добро и зло? есть ли у жизни какой-нибудь смысл? означает ли смерть конец всему? Об этих проблемах писали тысячи лет, но исходный материал для философствования содержится непосредственно в самом мире и нашем отношении к нему, а вовсе не в сочинениях мыслителей прошлого. Вот почему эти проблемы вновь и вновь возникают в головах людей, которые никогда и ничего про них не читали» [3; 15].

Из этого следует, что: не мыслители (признанные классиками) навязывают нам свои вопросы, которые мы впоследствии бессознательно у них заимствуем, а сам мир (при столкновении с ним) порождает из себя вопросы, возникновение которых выражает некую обеспокоенность (озадаченность): то, к чему человек абсолютно равнодушен, к чему остаются безучастными его чувства и рассудок, что его эмоционально и интеллектуально никак не трогает и не интересует – об этом он вопрошать не станет.

Но обеспокоенность (по самым разным поводам и в самых различных ситуациях и обстоятельствах) можно заметить и у животного. Что отличает человеческую обеспокоенность от беспокойства животного?

Человеческая обеспокоенность особого рода: для ее появления не нужны никаких солидных поводов. Она возникает не оттого, что человека мучит вопрос: как ему получше (об)строиться в этом мире – проблему для человека представляет сам мир и сама (данная ему) жизнь. Но не потому, что они как-то ему мешают: они просто есть, и этого достаточно – сам факт их существования и приводит человека в замешательство, заставляя его непрестанно призывать их к ответу: Для чего? Почему они есть? Зачем существует мир? Зачем дана жизнь? Зачем живу (существую) я? Зачем живут (существуют) другие люди? Где (как) найти свое место в этом мире?

Что порождает в человеке эти вопросы? (Что заставляет, побуждает его непрестанно задаваться этими вопросами?)

У животного для возникновения беспокойства (а значит, и в какой-то степени пред-вопрошающего, озадаченного состояния) нужны какие-то веские, объективные причины (например, недостаток пищи, избыток соперников и т.п.), которые заставили бы его «поломать голову».

У человека могут отсутствовать подобные уважительные ссылки на объективные обстоятельства (все проблемы, угрожающие его существованию в прямом и переносном смысле – например, недостаток денег, отсутствие работы, межличностные конфликты, проблемы со здоровьем и т.п. – могут быть улажены, урегулированы, решены), но его озадаченности и беспокойства (и, соответственно, вопросов, в которых они себя выражают) это не снимает (ср. размышление героини из пьесы С.Злотникова «Пришел мужчина к женщине»: «Вовочка мой, на что дурачок растет, и тот недавно спрашивает: мам, странно подумать, а неужели умру?.. Я ему головку потрогала, зачем, говорю, помирать, живи, чего тебе плохо? Нет, говорит, когда-нибудь!.. Ах, Вовочка, я говорю, когда-нибудь все там будем, а пока что живи, говорю, живи! А он говорит: для чего же я родился, если умру?.. *(Тяжко вздыхает.)* Маленький дурачок...» [1]).

То есть проблематичность мира не снимается (не отменяется) решением бытовых и насущных проблем: она предшествует их появлению.

Обеспокоенность (своим существованием и существованием мира) возникает у человека, можно сказать, практически на пустом месте: просто от того, что нечто (в данном случае мир, жизнь) есть.

Почему? В чем причина этой обеспокоенности (существованием жизни, мира, справедливости на земле и т.п.)?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно попытаться вспомнить себя в детстве: как возникают тогда вопросы? В каких ситуациях?

Всякий вопрос ставит (выражает собой) проблему. Для ребенка увиденный впервые стол является проблемой, а для кошки – нет. Хотя при определенных обстоятельствах проблемой для кошки может стать и стол, например, если он станет трудноодолимым (непредусмотренным) препятствием на ее пути, – в противном случае он (как данность) не замечается (не отмечается, не фиксируется, не регистрируется), не принимается ею во внимание.

Стол как предмет не причиняет ребенку никаких неудобств, ничем ему не мешает. Почему (каким образом) он становится для него проблемой (предметом размышлений и вопрошаний)? Что его в нем (столе) беспокоит прежде всего? – Сам факт его существования, который попал под прицел его сознания (был замечен им). Что именно беспокоит ребенка в самом факте существования стола? Чего ему не достает? Что он пытается для себя этим вопросом выяснить? Что он ищет в нем? – Его (а значит и свой) смысл. Из этого не следует, что смысл у нас со столом одинаков. Это значит, что смысл стола (то, ради чего стол существует) каким-то образом связан с моим человеческим смыслом (со смыслом существования меня как человека здесь, на этой земле) – он определенным образом меня касается, указывает на меня, связан со мной (что я тоже здесь стою и здесь существую и каким-то образом имею какое-то отношение к этому столу, но не в качестве его владельца или собственника, а в качестве человека как такового). Иначе говоря: смысл стола проясняет и мой смысл тоже (по крайней мере, в том аспекте моего существования, в котором оно, в качестве человека, осуществляющего себя в условиях данной цивилизации, предполагает заданным (вписанным в условия моего – человеческого – существования) отношения и со столом тоже (как необходимой составной частью моего материального бытия, вспомогательным средством самореализации в труде, творчестве и т.д.).

Причиной, которая обуславливает появление обеспокоенности (выражающейся в соответствующих вопросах и проблемах), является сознание. Присутствие сознания в человеке (столкновение сознания с миром) побуждает человека все время испытывать этот мир, ставя его под вопрос.

То есть источник беспокойства заключен не в мире (не в природе мира), а в сознании (в природе сознания).

Именно эта способность сознания отвечает за появление мира смыслов, значений → знаков, символов → языка → и культуры в целом, равно как и (в другом выражении) за появление таких (сугубо человеческих, отсутствующих в животном мире) «психических заболеваний», как невроз, слуховые и визуальные галлюцинации, мания преследования. Все эти, в общем-то, будничные утверждения о том, что человек что-то слышит или кого-то видит, становятся признаком серьезного психического отклонения только в том случае, если в реальности не находится объективного подтверждения этих заявлений. То есть они оказываются результатом творческой, преобразующей (преображающей, «воображающей») работы сознания (о которой, правда, оно ничего не подозревает), как и в другом варианте развития событий, когда результатом подобной деятельности сознания оказываются не галлюцинации, а, например, наделение предмета смыслом, значением (и, тем самым, выделение его из общего без(раз)личного ряда вещей), что мы имеем в случае религиозного ритуала, когда случайно найденный камень необычной формы превращается из простой гальки в фетиш, или в случае детской игры, когда обыкновенная палка представляется разгоряченным конем, на котором ребенок (он же – главное действующее лицо, настоящий всадник), мчится во весь опор.

Как обозначить (определить) эту особенность сознания? Какое дать ей название?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вспомнить: в каких ситуациях она еще проявляется?

Например, иногда, в момент особо сильного раздражения (рассердившись на кого-нибудь или что-нибудь) человек может пнуть первое, что попадется ему под ногу: камень или стул. На вопрос окружающих: чем он тебе помешал? Человек только сердито (и стыдливо) передернет плечами. О чем свидетельствует подобное отношение человека к предметам? – Не только о том, что он ищет на чем бы сорвать свою досаду. В момент гнева его раздражает буквально все: не только другой человек (другие люди), но и (совершенно безобидные) вещи, которые, казалось бы, не имеют никакого отношения ни к предмету спора, ни к обидчику. Почему же он злится на них? Или так: почему его злость их задевает (касается)? О чем это говорит? – Что мир (вещи, его населяющие) не безразличны человеку: в момент спора мир втянут в него весь, целиком. Не случайно, когда мы счастливы, нам кажется, что и весь мир в этот момент исполнен счастья и радости. И наоборот, когда случается несчастье и разочарование, человеку начинает казаться, что «земля почернела от горя» (В. Высоцкий). Мир участвует, (завязан) в моей судьбе, в том, что у меня (со мной) в данный момент происходит, весь, целиком. Поэтому вопрос: а какой смысл в той работе, которую я делаю каждый день? угрожает не только смыслу моей жизни, но и смыслу того мира, в котором я живу.

Но что делает вещи (мир) не безразличными ко мне? (Есть ли что-то в самих вещах, что делает их определенным образом расположенными (настроенными) в отношении меня? Например, когда человек входит в темный лес, ему становится страшно и начинает казаться, что деревья как-то угрожающе насупились и сомкнулись, чтобы он нешел дорогу домой). Но ведь и мир, и жизнь, и камень, и стул просто есть, они существуют сами по себе, никого не трогая. Что же лишает их (мир, вещи) нейтралитета? Или же это не-

безразличие, отсутствие безучастности, которое я приписываю вещам, содержится, на самом деле, в моем сознании?

Основная черта (характеристика) сознания – это «забота». Отсюда проистекают все его хлопоты и беспокойства. Они порождают четыре среза реальности. Первый. Нужен для того, чтобы все, что попадает в его поле зрения (все, что становится предметом его внимания), обретая, таким образом, свое существование – было единым и цельным; Это – мифологическое восприятие мира. Второй. Он пытается стать самим собой: стул так стул, мир так мир (ср. высказывание: «Разве это дом! Одно название...»). Это – попытка восполнить тщету мира в искусстве. Третье. Имеет смысл, который не только является оправданием существования того или иного предмета в этом мире, но и указывает на конечные причины. Мы можем ставить относительно него вопросы о причинах и следствиях, но не о целях. Цели – кажущаяся реальность, фикция. Цели обусловлены причинами, которые можно установить в прошлом, но этих целей нет в будущем. Правоту этой картины мира оспаривать трудно по понятным причинам – она ежедневно доказывает нам свою правоту, посредством техники. В этой картине есть атомы, электроны, физические поля и еще много чего интересного – но человека в ней нет. Человек в ней – объект, подобный ноутбуку, сводится к тому же: атомы, электроны и т.п. Человек-машина с заданным алгоритмом действия. Это – научная картина мира. Четвертое. Сознание устанавливает всеобщую связь (со-отношение), всеобщий (взаимный) смысл вещей (мир населяющих) и самого мира. Выпасть из этой связи – значит лишиться смысла – фундамента и оправдания своего существования на этой земле, стать безосновным. Это можно сравнить с ситуацией, в которую попадает корабль, который никак не может пришвартоваться к берегу, или у которого, наоборот, лопнули в бурю все удерживающие его якорные цепи и канаты, так что теперь он носится, неприкаянный,

по волнам – корабль-призрак, который никак не может обрести свою пристань, достичь своего пункта назначения, войти в свою гавань. Последнее – религиозное восприятие мира.

Но базой всех этих хлопот о мире становится сократическое, философское удивление этому миру во мне. Удивление – вопрошание предполагает наличие чувства или мысли о неполноте или неточности уже известного, в результате чего и возникает потребность сформулировать надлежащие аспекты неизвестного и искать на них ответы.

Библиографический список

1. Злотников С. Пришел мужчина к женщине. URL: <http://www.theatre-library.ru/authors/z/zlotnikov>
2. Лотман. Ю.М. Мир собственных имен. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9B/lotman-yurij-mihajlovich/semiosfera>
3. Нагель Т. Что все это значит? Очень краткое введение в философию. М.: Идея-Пресс, 2001. 84 с.
4. Минеев В.В. Социальные аспекты смерти: философско-антропологический анализ. М.: Дирек-Медиа, 2014. 473 с.

ФИЛОСОФИЯ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Л.В. Логунова

Стоицизм, кинизм, эпикуреизм, гедонизм, свобода, смысл жизни, счастье.
В статье рассматриваются этические воззрения современных студентов. Статья создана на основе реальных высказываний студентов 2 курса исторического факультета КГПУ на этические темы и представляет собой контент-анализ житейской мудрости молодежи.

PHILOSOPHY OF MODERN STUDENTS

L.V. Logunova

Stoicism, cynicism, Epicureanism, hedonism, freedom, the meaning of life, happiness.

The article considers ethical views of modern students. Article created based on real statements 2 year students of historical faculty of the University on ethical themes and is a content analysis of worldly wisdom of youth.

В октябре 2017 года на семинаре по философии мною было дано домашнее задание студентам второго курса исторического факультета КГПУ – каждому придумать одно мудрое высказывание. Условие – мысль должна основываться на личном опыте и по возможности быть афористичной. Итогом этого философского эксперимента является данная статья. Могу сказать, что индукция личного опыта современного гуманиария привела к картине мира в основном, свойственной стоицизму с небольшими вкраплениями кинизма. Гедонизм, как это ни странно, почти не представлен, то ли из уважения к загадочной науке философии, то ли из трепета перед преподавателем, человеком весьма суровым. Итак, начнем со стоицизма.

Стоическая философия выполняла и выполняет психотерапевтические функции. Вот что пишет Сенека о тревоге. «Если ты хочешь избавиться от всякой тревоги, представь себе, что пугающее тебя случится непременно, и какая бы ни была беда, найди ей меру и взвесь свой страх. Тогда ты наверняка поймешь, что несчастье, которого ты боишься, или не так велико, или не так длительно» [3: Письмо 24].

До этой мысли современные студенты еще не дошли. Пока они находятся на первом этапе постижения стоической мудрости. Сложность бытия ими уже осознана, привела к пессимистическому взгляду на жизнь, что, в принципе, свойственно для юности. Но решить эти проблемы они пытаются пока неправильно. Первый путь – агностицизм, убоявшись нелогичности мира, объявить его непознаваемым, чуждым, непонятным и замкнуться в себе. «Не стремись к правде, возможно, тебе захочется ее забыть» (Лебедева Анастасия), «Счастье – в забвении» (Ванюкова Екатерина). Второй путь – путь сладкого юношеского отчаяния. Юности вообще свойственен пессимистический взгляд на мир, который вызывает у взрослого человека улыбку. Однако эк-

зистенциальной, глубоко духовной основой, такого пессимизма является работа духа. Если эта работа не прекратится, то, соединившись с личным опытом, она приводит к стоическому рецепту борьбы с трудностями, описанному Сенекой. Повторим этот рецепт еще раз, но уже языком современной психологии. Чтобы почувствовать ценность настоящего, нужно представить, что всего, что у нас есть, нас лишили – это называется «негативной визуализацией». И тогда, как говорит Сенека, ты поймешь, что твое несчастье или невелико, или пройдет со временем, потому, что «Непостоянное постоянно» (Ворошилова Евгения).

Такого негативного опыта у студентов нет, а, может быть, они его еще не осознали. Это и к лучшему. Ведь юности присуще вечное «завтра». Но это не усталое «завтра» взрослого, которое не имеет зачастую обоснований. Я не знаю как, но это «взрослое завтра» описала одна из студенток «Твой понедельник никогда не наступает» (Лебедева Анастасия). А ведь и правда, тот понедельник, когда ты решил начать заниматься спортом, или сесть за давно отложенную работу, или... вариантов здесь много действительно никогда не наступает. Потому-то все важные решения мы принимаем спонтанно, а не в результате долгих раздумий. И об этом есть мысль современного стоика: «Если долго придумывать умную мысль, можно так ничего и не придумать» (Шиханов Артем).

Юность обычно равнодушна к тому, чему обладает. Её прельщает ещё недостигнутое, а наличное воспринимается как само собой разумеющееся. От этого возникает постоянное стремление выпрыгнуть из текущего момента в светлое завтра. Чтобы почувствовать ценность настоящего, надо представить что, всего того, что у тебя есть, тебя лишили. Но представить можно только то, что уже было в твоём опыте. Опыт потерь велик у взрослого человека. Только потеряв здоровье, можно оценить счастье обладания им, толь-

ко потеряв близких, начинаешь ценить хотя бы тех, кто рядом с тобой. Такая мудрость приходит только со временем.

Вот стоический совет. Следует обращать все свои силы и внимание на то, что находится в нашей власти, и отрешиться ото всего остального. Делай всё настолько хорошо, насколько сможешь, и этого будет достаточно – ведь всегда найдутся недовольные тобой и твоей работой, поэтому нельзя всё время рассчитывать на чужие аплодисменты или высокие оценки

«Считай себя достойным всякого слова и дела по природе, и пусть не трогает тебя последующая брань или молва, а только то, прекрасно ли сделанное и сказанное — не отказывай сам же себе в достоинстве. Потому что у тех своё ведущее, и собственными устремлениями они распоряжаются. Так что не смотри на это, а шествуй прямо, следуя природе собственной и общей — у них обеих одна дорога» [1: Книга 5].

«Кто из людей непобедим?» – однажды спросил Эпиктет, и сам же ответил: «Тот, кого не волнует ничего, что находится за пределами его выбора».

Некоторые студенты уже постигли идею о ценности собственной природы и необходимости отвлечься от мнения о тебе самом со стороны окружающих. Стоическую отрешенность мы наблюдаем в таких рассуждениях. «Учитесь рассуждать, а не осуждать» (Токарева Алина), «Для того, чтобы познать самого себя, достаточно остаться наедине со своими мыслями» (Пудовкина Ольга), «Человек действует во благо других, если сам оказывается в аналогичной ситуации» (Архипова Анастасия), «Ваше «Я» всегда должно оставаться с вами» (Остапенко Анна).

Современные стоики уже столкнулись с тем, что их не все любят. Им пока не хватает философского равнодушия, а реакция окружающих больно ранит: «Чем длиннее язык у человека, тем завистливее у него душа» (Дмитрук Любовь), «Не делай добра, не получишь зла» (Задорин Илья).

Наше окружение постоянно влияет не только на наши привычки, но и на способы восприятия мира, самооценку и самоопределение. Чтобы оно не увело в ненужную сторону, стоицизм советует брать за образец тех, кого ты считаешь наиболее достойным. «Великие люди ближе, чем мы думаем», «Не нужно бояться формировать свой жизненный путь с помощью опыта других людей» (Шабалин Максим)

У каждого из нас есть свои слабости. Единственный способ жить с ними в мире – признать те из них, что исправить не можешь, и исправлять то, что поддаётся исправлению. Вот похожая мысль нынешнего стоика: «Если хочешь – добьешься, если нет – это не стоит твоих усилий» (Селезнева Ольга).

А чтобы признавать свои ошибки, необходимо спокойствие и уверенность — этому и учит классическая философия. «Я не хочу сказать, будто во мне уже нечего переделывать, да и не надеюсь на это. Как может больше не быть такого, что надо было бы исправить, поубавить или приподнять? Ведь если душа видит свои недостатки, которых прежде не знала, это свидетельствует, что она обратилась к лучшему» [3: Письмо 24]. И вот мысль наших дней: «Гармонии нельзя достичь, но к ней надо стремиться» (Марьясов Николай).

Взрослый различает то, что в его власти и то, с чем стоит смириться. Юный, впадая в отчаянье, пытается смириться, но не знает меры в этом. «Невозможно быть счастливым в дисгармонии» (Курлянчик Екатерина), «Мы должны принять и смириться, что жизнь проходит сквозь пальцы» (Боголюбова Екатерина), «Жизнь – это череда упущенных возможностей. Выбираешь один путь – лишаешь себя других» (Филиппова Мария).

Еще один совет от стоиков – превратить трудности в полезные испытания. Не нужно самому искать трудностей, но не нужно их и бояться. Если заранее готов к неприятностям, то встретишь их гораздо спокойнее, и даже

сможешь извлечь из них какую-то пользу. Только благодаря трудностям мы можем проявить и усовершенствовать свои лучшие качества. «Бедный ты, несчастный – оттого, что никогда не был несчастен. Ты прожил жизнь, не встретив противника; и никто никогда не узнает, на что ты был способен, даже ты сам» [4: Ч. 3].

Эту мудрость некоторые студенты уже освоили. «Вы сами выбираете свой жизненный путь. Не позволяйте прошлым ошибкам и неудачам сломить вас. Будьте сильны и не теряйте веры в себя» (Максимова Мария), «Мои ошибки рождают мой жизненный опыт» (Майоров Владислав), «На ошибках строится будущий успех» (Рогожникова Виктория). «Чтобы чего-то добиться, покинь зону комфорта» (Мицук Дмитрий).

Но Сенеку студенты пока не читали, да и чтение не поможет, если оно не соединено с личным опытом. Потому те, кто еще не побеждал, считают, что жизнь исполнена страдания. «Мы должны принять и смириться, что жизнь проходит сквозь пальцы» (Боголюбова Екатерина), «Жизнь коротка, как шажки карлика» (Ломоносов Егор), «Время все усложняет» (Сатурина Вероника), «Чтобы впасть в депрессию, просто вспомни свои недостатки» (Токарева Алина), «Плохо сидеть на скамейке запасных, и в жизни ситуация не лучше» (Сагайдак Мария).

Но один стоический жизненный урок уже усвоен – надо беречь время. «Так и поступай, мой Луцилий! Открой себя для себя самого, береги и копи время, которое прежде у тебя отнимали или крали, которое зря проходило. Сам убедись в том, что я пишу правду: часть времени у нас отбирают силой, часть похищают, часть утекает впустую. Но позорнее всех потеря по нашей собственной небрежности. Вглядись-ка пристальней: ведь наибольшую часть жизни тратим мы на дурные дела, немалую – на безделье, и всю жизнь – не на те дела, что нужно» [3: Письмо.1].

Вот что пишут о времени и не только о нем современные студенты. «Есть три невосполнимых ресурса – слово, жизнь и время» (Лещенко Устин), «Есть три вещи, которые я ценю больше всего: мой разум, мое тело и мое время. Разум – за цели, которые я себе ставлю, тело – за способность выдерживать все трудности жизни, время – потому, что его мало» (Москов Андрей), «Если много рассуждать о жизни, то можно пропустить ее течение» (Зайцев Иван). И венчает эти рассуждения стоический вывод: «Чтобы дойти до цели, надо, прежде всего, идти» (Сергиевич Екатерина).

Киническая мудрость также не чужда современным студентам.

Для философии кинизма, как нам известно, характерен космополитизм. Еще Антисфен и Диоген Синопский называли себя «гражданами мира». Такой космополитический душок, вероятнее всего связанный с открытостью границ и всеобщей глобализацией, мы находим в современном фрагменте. «Твое государство – это не страна, в которой ты живешь. Твое государство – это ты сам» (Баженова Юлия).

Символом кинизма стала собака. Она таким и осталась: «Самый честный друг – собака. Самый лживый друг – человек» (Макарова Анастасия).

Киники отрицали не только государство, но и такой его институт как брак. Как известно, они проповедовали идею общности жен и детей. До таких крайностей современные студенты не дошли. Однако к чему приводит нас вот это высказывание: «Любовь – для тех, кто может справиться с психическими перегрузками» (Груздева Регина)?

Следующей весьма популярной идеей кинизма является активная пропаганда аскезы как способа избавиться от страдания, порожденного бесконечной неутолимостью человеческих желаний. В этом киники видели залог свободы. Нечто подобное мы находим у современного киника.

Михаила Коваленко: «Желание порождает страдание. Жаж-ду знания утолить невозможно. Следовательно, стремясь к истине, человек занимается самоистязанием». А вот и вы-вод: «Не ищите сложных путей, когда есть прямая дорога» (Юсупова Ксения) и «Нет ничего хорошего в поисках слож-ного в простом» (Анциферова Мария).

Где древние киники находили основу для человеческой свободы? Извне – в законах природы, мирового логоса, из-нутри – в себе самом. До этой мысли самостоятельно дош-ли несколько собратьев по духу. «Единственное, что не тер-пит природа – подделок» (Белозерова Мария). «Человече-ская свобода не является возможным исходом, который нам предоставил другой человек. Человеческая свобода – это право, данное нам Богом, и оно подкрепляется природой» (Рудик Сергей).

Простота кинической жизни должна была, по мысли основателей, привести к безмятежности духа. Такое жела-ние присутствует и у современных киников. «Не драматизи-руй» – пишет киник 19 лет Маргарита Зацепина. Ей вторит киник Мария Анциферова: «Нет ничего хорошего в поисках сложного в простом». И венчает нашу триаду киников Веро-ника Сатурина: «Бедность делает человека богатым духовно».

Кривая киническая усмешка в духе Диогена вид-на здесь: «В спорах рождаются грибы, истина – в грибах» (Тимофеев Михаил).

А вот гедонизм представлен немногими высказывания-ми. «Любовь – это счастье, которое дарят друг другу» (Кузь-мина Ольга). «Красивой женщине – красивую жизнь» (Ба-жина Дарья), «Время бежит как сквозь пальцы песок, рас-сыпаясь на миллион осколков, превращаясь в прекрасные моменты жизни» (Шалатова Алена).

Почему же современные студенты так мало говорят об удовольствии? Вспомним, что теорию удовольствия Эпи-

кур начинается с рассмотрения страха. Нас страшит природа, боги и смерть. Этих страхов у молодости пока нет, потому и нет философского гедонистического настроения. Хотя вполне в духе Эпикура есть понятие меры. «Любое качество можно испортить количеством» (Горбатова Виктория), «Ложь, как и соль – главное знать меру» (Краюшкина Анна).

Некоторую дань студенты отдали семи греческим мудрецам. Буквально повторяет Питтака с его «Трудно быть добрым» высказывание «Легче быть злым, чем добрым» (Мартыненко Дарья).

Неизменной популярностью пользуется Фалес Милетской.

«Где свобода – она в отражении Луны,
Что длиннее всего – ожидание встречи,
Что кончается быстро – деньги и жизнь,
Кто прекраснее всех – мой кумир» (Греков Артем).

«Что труднее всего – вставать по утрам,
Что приятней всего – быть среди равных,

Что легче всего – смотреть на работу другого,

Что гнетет меня по утрам – самоедство» (Емельянова Юлия).

Библиографический список

1. Аврелий М. Наедине с собой. Размышления. Кн. 5. М.: Наука. 228. 416 с.
2. Минеев В.В. Парная работа на семинарах по философии: Учебное пособие для студентов вузов. Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2013. 132 с.
3. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию / Л.А. Сенека. Кемерово: Кемеровское книжное издательство. 1986г. 464с.
4. Сенека Л.А. О провидении. [Электронный ресурс]. М., 2017. URL: <http://centant.spbu.ru/sno/projects/seneca/prov.htm> (дата обращения: 15.11.2017).
5. Эпиктет. Беседы Эпиктета / Эпиктет. М.: Ладомир. 320 с.

ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСТВО: АНОНИМНОСТЬ КАК МАНИФЕСТАЦИЯ СВОБОДЫ

К.Е. Бубликов

Научный руководитель: **О.Д. Наумов**

Анонимность, свобода, искусство, личность, постчеловечество.

Предметом анализа в данной статье выступает феномен анонимности. В условиях постчеловечества анонимность рассматривается в качестве отказа человека от «социальных масок» для раскрытия себя как личности путем полного обезличивания.

THE PERSONALITY: ANONYMITY AS A MANIFESTATION OF FREEDOM

K.E. Bublikov

Scientific director: **O.D. Naumoff**

Anonymity, freedom, art, personality, posthumanity.

The subject of analysis in this article is the phenomenon of anonymity. In the conditions of posthumanity, anonymity is seen as a person's refusal of «social masks» to reveal himself as a person through complete depersonalization.

Характерная черта современной эпохи, которую часто называют постсовременностью, заключается в том, что узнать реальные новости или услышать истинную точку зрения людей можно услышать только из анонимных источников.

Под анонимностью принято понимать размещение любой информации без указания имени автора.

Первым опытом анонимности можно считать театр масок, когда для того, чтобы показать неконкретность и злободневность своего персонажа, актеры надевали маски и таким образом снимали с себя черты индивидуальности. Опыт анонимности можно считать венецианские карнавалы, когда анонимность была синонимом вседозволенности, благодаря маске можно было оставаться не узнаваемым, предаваться любовным утехам, без риска быть опороченным.

В докомпьютерную эпоху анонимность использовалась для публикации антиправительственных текстов, создания доносов и поклепов. Сейчас анонимность используется для пиратства, свободного общения в сети Интернет, распространения спама и вредоносных программ.

Таким образом, анонимность – явление известное с древности, в условиях современности приобретает новое значение, получая широкое распространение. Например, группа «Анонимус» – современная версия Робин Гудов, которые инкогнито, при помощи сети Интернет, нарушают законы, фактически совершая преступления, но делают это не для личной выгоды, а исходя из соображений морали. В частности, 13 ноября 2015 года, хактивисты Anonymous объявили войну Исламскому Государству. Группировка опубликовала официальное видео, провозглашающее начало операции «Париж», в рамках которой произошел взлом и публикация 5000 аккаунтов членов террористической группировки ИГИЛ в сети.

В результате, анонимность в эпоху Интернета – это возможность сказать правду и не быть наказанным, поскольку любой Аноним может высказывать самые сокровенные и смелые мысли, не боясь последствий и преследований IRL со стороны обиженных, униженных и оскорбленных им личностей.

В XXI веке почти каждый человек в мире пользуется Интернетом, оставляя в пространстве Сети большое количество конфиденциальной информации, которую можно разделить на две категории: ту, что человек оставляет сознательно, (фото, видео, высказывания оставляемые им с социальных сетях) и ту, которую собирает сторонний софт (цифровой след, данные аккаунтов, банковских карт, доступ к веб-камере, личные данные пользователя).

Но как наша личная информация становится общедоступной? Первым делом, мы задумываемся о социальных сетях. Бесспорно, социальные сети имеют много плюсов. Главный из них – это удобство в поиске любого человека. В тоже время, страница в социальной сети – это лицо человека, кладезь информации, к которой имеет доступ любой пользователь. Значит, у него есть доступ к такой информации как: дата рождения, место проживания, сведения о родственниках, друзьях, интересах и вкусах, а также, об отношении к миру и жизни – чем вы живете и дышите (особенно это касается тех людей, которые стараются не пропускать момента и выкладывают фотографии всего, что с ними происходит).

Анонимными могут быть различные тексты – от литературных произведений – до личных высказываний (утилитарных сообщений), таких как письма, гравюры, карикатуры, плакаты и фильмы. В результате, аноним – это автор, предпочитающий не подписывать свое произведение «в силу ряда причин».

В принципе, наша жизнь заполнена большим количеством условностей. Например, в некоторых случаях, правила поведения в обществе, играют отрицательную роль: иногда действительно надо сказать правду, открыть свои чувства. Некоторые художники прибегают к анонимности с этой целью – сказать правду.

Впервые художественное произведение было подписано в VIII веке, в Италии. Принято считать, что художественный рынок, в том виде, в котором он сегодня существует, возник именно тогда. За эти более чем 1000 лет имя художника превратилось в бренд. Таким образом, можно заметить, что художественный рынок строится на репутации автора. Его научились монетизировать в чистом виде, отдельно от искусства. Мы научились вычислять, сколько стоит

подпись без картины. Значит, анонимность – это эффективная стратегия борьбы с рынком. Очевидно, первое, что приходит в голову художнику, который озабочен тем, как рынок искажает сам художественный процесс – отказ от имени. Чаще всего это касается стрит-арт-художников: создавая свои произведения они часто портят чье-то имущество, нарушают законы. В итоге, анонимность для них – способ уйти от наказания.

Одна из самых главных фигур современного стрит-арта – Бэнкси. Удивительная и привлекающая отличительная черта образа «арт-террориста», как сам себя преподносит художник – это его анонимность.

Объединение художников в группы – это тоже один из видов анонимности – говорить не от себя, а от имени группы. Например, группа Guerrilla Girls, которая состояла из известных в нью-йоркской художественной среде персонажей. Надев маски, они перестали соблюдать правила приличия, перестали быть вежливыми, начав в открытую говорить о незавидном положении женщины в искусстве, а также нелюбимые вещи по отношению к конкретным галереям. Маски давали им свободу. Возможно, анонимность как способ снятия общественных приличий – один из самых древних типов анонимности.

Если рассматривать проблему с противоположной стороны, то мир гуманистический – мир, наполненный разными лицами. Часто отсутствие лица – это тоже знак, что-то не человеческое, фактически антигуманное. Есть работы, где анонимность равна невыразительности. Например, было много индивидуальностей, но они собрались на митинг и мы имеем уже анонимную толпу. То же случается, например, со служебной, военной формой: когда группа парней одевает форму и шлемы, то из парней, у которых есть папы и мамы, они превращаются в толпу, становятся массой. Такая трансфор-

мация субъекта под влиянием анонимности интересует художников. Например, Спенсер Туник, делает фотографии с тысячами обнаженных людей. Здесь можно говорить не об анонимности, а о исчезновении лица как такового. В связи с этим справедливым представляется вопрос о смысле анонимности в репрезентации субъекта, стремящегося к самоотречению – стиранию собственного лица.

Можно сказать, что анонимность в условиях постчеловечества – не только феномен современного искусства, когда художники работают над обобщением лица, но и социальное явление. К примеру, удивительную метаморфозу смысла анонимности мы можем наблюдать, реконструируя историю балаклавы, которая благодаря художникам стала важным общественным символом – означающим не столько склонность к протесту, сколько – способ манифестации собственной свободы. Иначе говоря, постчеловечество – это ситуация, когда человек обретает возможность стать самим собой лишь через эстетический акт самоотречения, посредством анонимизации себя.

Библиографический список:

1. Загурская Н.В. Постчеловек: положение человеческого существа в ситуации после постмодерна // Человек постсоветского пространства. Выпуск 3 / Сборник материалов конференции. Под ред. В.В. Парцвания Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. С. 245–250.
2. Проблема постчеловека и постчеловечества. Материалы научного семинара. Вып. № 4. М.: Научный эксперт, 2011. 64 с.
3. Фукуяма Ф. «Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции». М.: АСТ, 2008.
4. Хоружий С.С. Проблема Постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергичной антропологии // Философские науки. 2008. № 2. С. 10–31.

МЕДИЦИНА В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

В.В. Минеев

Здоровье, болезнь, медицина, феноменология.

В статье рассматриваются некоторые ключевые моменты феноменологического подхода к пониманию здоровья. Предпринимается попытка поместить медико-философскую проблематику в онтологический контекст и продемонстрировать методологический потенциал феноменологии в том, что касается прояснения оснований медицинского знания.

MEDICINE IN THE CONTEXT OF HUMANITIES

V.V. Mineev

Health, disease, medicine, phenomenology.

Some key points of the phenomenological approach to understanding health are considered. An attempt to put the medical-philosophical issues into an ontological context and to demonstrate the methodological potential of phenomenology as to make clear the medical knowledge grounds is undertaken.

Заблуждение о здоровье, как известно, легко обращается в предлог для усиления политического контроля, для вмешательства в жизнь человека и общества. М. Фуко раскрыл глубинную взаимосвязь между генеалогией власти и рождением современной медицины. И. Иллич показал, как, монополизируя право на толкование и охрану здоровья, медицинский истеблишмент превращает гражданина в пациента, порабощает человека [10]. Об опасности медиализации предупреждают и зарубежные, и отечественные авторы [1]. После трудов М. Фуко, Ф. Базальи, У. Бека, Ж. Бодрийара рассматривать становление медицины в контексте истории политических технологий стало делом привычным [2, с. 40–46]. Однако за оправданными размышлениями о био-власти начинают забываться вопросы, касающиеся собственной сущности медицины. Логика медицины как особой формы сознания, духа подменяется политической логи-

кой уже не только в социальной истории, но и в рамках сопровождающего ее философско-теоретического дискурса.

Цель данной публикации заключается в том чтобы обратить внимание на необходимость возвращения медико-философской рефлексии к описанию, проживанию феноменов собственно медицинского сознания: «здоровье», «болезнь», «лечение», «пациент», «диагноз».

Медицина как особая область теории и практики оформляется в контексте сложных, неоднозначных взаимодействий с религией, политическим сознанием, философией, а также с другими науками [6, с. 15–45]. Отношения между философией и медициной непрерывно изменялись: от почти полного взаимопроникновения до почти полного взаимного неприятия. И такая ситуация повторялась в античной истории неоднократно. В центре дискуссии периодически оказывались противостояние наблюдения и умозрения, принципы разграничения профессионального знания и общей медицинской образованности, противопоставление науки и искусства, социальные функции знания... Философы постоянно использовали в своих рассуждениях медицинские метафоры, говорили о «здоровье» государства, о «лечении» души. Подобные приёмы едва ли были бы возможны, если бы медицина формировалась как сугубо специализированное, инструментальное знание. Ее специфика была изначально связана с присутствием в сознании античного грека нередуцируемых, специфических интуиций, или очевидностей здоровья, болезни, лечения, которые могли наполняться различным содержанием, но не могли быть первоначально получены как результат эмпирического опыта. Сами же эти интуиции тогда, как и сегодня, подлежали лишь феноменологическому описанию, проживанию, тому или иному содержательному наполнению.

Для того чтобы облегчить зубную боль, принять роды, даже произвести хирургическую операцию, ни врачу, ни его

пациентам совсем не обязательно вспоминать о здоровье, тем более, задумываться о его сущности. Едва ли теоретические представления о здоровье оказывали непосредственное влияние на совершенствование способов лечения, разве только на развитие медицины в целом, на отношение к ней со стороны общества.

С одной стороны, «здоровье» выполняет общекультурную регулятивную функцию. Оно успешно направляет наши действия. Согласно Декарту, мудрость, знания нужны именно для «сохранения здоровья», в будущем избавимся от «множества болезней как тела, так и духа», «может быть, даже от старческой слабости» [4, с. 301; 5, с. 286]. Говорится о планах выбиться в «как бы господа и владельцы природы» [5, с. 286]. Но тут же – и о готовности, будучи больными, не возжелать стать здоровыми, смириться с судьбой, правда, «после того, как сделали всё возможное с окружающими предметами» [5, с. 264–265]. Впрочем, кто подскажет, сделано ли всё и когда пора смириться?

С другой стороны, здоровье – весьма консервативное понятие, едва ли пришедшее в нашу жизнь из области профессиональной медицины – предполагает не только возрастание роли медика, но и **ограничение его полномочий**, сдерживание манипуляций с человеческим телом. «Здоровье» служит одним из надежнейших якорей в любую эпоху перемен. Всякий раз, когда человечество подходит к черте, за которой открывается эволюционная бездна, всплывает вопрос: а что там насчет здоровья? Идеология свободной смерти, евгеника, лоботомия, скрещивание потомков Адама с обезьяной, либерализация наркопотребления, генномодифицированные продукты, реформы в сфере образования, ядерная война, – как это скажется на здоровье человека? Не повредит ли? А, может быть, ускорит нашу эволюцию? Соответственно, сегодняшняя релятивизация «здоровья», нашедшая выражение в постгуманизме, сопряжена

с ускорением темпов развития, с возрастанием эволюционного давления на человека.

Однако к существенным признакам, к сущности здоровья по-прежнему (или пока еще?) принадлежит свобода, о чем свидетельствует, в частности, греческое слово *ασθένεια*.

Судьба греческого *ασθένεια* (буквально «бессилие») показательна. Сегодня слово безнадежно биологизировано и приведено в соответствие с английским *disease*. Но еще хранит следы прошлого. Для эллина болезнь – это, прежде всего, утрата сил, утрата возможности наслаждаться жизнью, свободно реализовывать свою сущность, выполнять свое предназначение. *Ασθένεια* предупреждает о том, что жажда жизни однажды уступает место утомлению (или пресыщению?), а на смену свободе приходит зависимость, по сути, рабство. Тонкая грань между радостью бытия и страданием нашла отражение в языковом опыте многих народов. Возьмем хотя бы английское *delicacy* – болезненность (русское «деликатное здоровье»). Прилагательное *delicate*, восходящее к латинскому *delicatus*, и указывающее на приятное ощущение, чувственность, нежность, легкость, веселье, на соблазн и удовольствие, приобрело также значения «изнеженность», «хрупкость», «болезненность».

Английское *disease* (*dis* + *ease*) восходит к старофранцузскому этимону *ease*, «физический и душевный комфорт», «удовольствие», «благополучие». Вплоть до эпохи Ренессанса *disease* как раз и означало «стесненное положение», «беспокойство», «неудобство» [9], в некотором роде отсутствие того «благополучия», о котором говорится в документах Всемирной организации здравоохранения. В дальнейшем же слово приобрело медико-биологическое звучание.

Таким образом, проблема здоровья изначально конституируется не только в русле прогрессистской, технократической мысли (хотя, конечно, долголетие – один из древней-

ших жизненных идеалов), но и в ходе размышлений онтологического, морально-этического плана. Проблема связана с осмыслением диалектики свободы и рабства. Свобода же осмысливается сквозь призму антиномий свободы внешней и свободы внутренней, закона и произвола. Свобода предполагает самоограничение, знание меры, тогда как несвобода – подчинение страстям, телесности, неоправданному, стихийному желанию жить как можно дольше (вспомним хотя бы письма Сенеки другу Луциллию). Подлинная свобода от страстей против свободы мнимой. Платон, советовавший «не затягивать болезнь», предвидел, что в идеальном государстве «судебное искусство» и «врачевание», кому «предоставят вымирать», а кого и «сами умертвят» [7, с. 193–195].

Здоровье, само по себе безвидное, как воздух, всегда мыслится в контексте лечения, исцеления. Английское *health* (здоровье), едва лишь произнесенное, тот час напоминает нам о необходимости лечения, точнее, исцеления (*healing*) и, соответственно, о связи исцеления с обретением целостности (*wholeness*), цельности, а, в конечном счете, святости (*holy*) как результата окончательного исцеления души и тела.

Исцеление – восстановление утраченной целостности – указывает и на цель (τέλος) как конечный результат процесса, и на внутреннюю силу и образ (ευ-τελέχεια), направляющий движение, и на роль **тела**, зримо выражающего целостность, и на отпущенный срок (еще одно из значений слова τέλος).

Цель (σκοπός) предполагает полную реализацию скрытых возможностей, но также и предел (πέρας), не подлежащий превышению, иными словами, именно **завершение** (τέλος), совершенствование, достижение вершины, к которой обращен взгляд того, кто смотрит (σκέλτομαι, откуда и σκοπός). Цель не только ведет вперед, но и обещает, что путь не будет бесконечным и беспредельным. Путь вперед должен стать одновременно и возвращением назад,

к собственной сущности. Только в этом случае правомерно говорить о подлинной целеустремленности, об исцелении, а не о бесцельном, безобъектном и, в конечном счете, бессубъектном движении в бесконечность.

Правда, стратегий исцеления существует множество. Латинский глагол *mederi* (лечить) и, соответственно, существительное *medicus* (лекарь) восходят к индоевропейскому корню *med* и через него к таким концептам, как умерять, ставить рамки, управлять, принимать надлежащие меры. Среди ближайших соседей *mederi* не трудно заметить *meditatio* (размышление, обдумывание), *modus* (мера, правило), *modernus* (современный), *medium* (середина, центр) и множество других концептов, так или иначе обращенных к особенностям структурно-функциональной целостности.

Несколько иную диспозицию предлагает иврит. Необычайно многозначное пожелание мира, покоя, благополучия и, между прочим, здоровья – «Шалом!» (שָׁלוֹם) – выражает идею полноты и единства. Корень «шин-ламед-мэм» интенсивно сближает понятия «целый, невредимый» (шалэм שָׁלֵם) и «совершенный» (мушлам מְשֻׁלָּם) с понятием «оплаченный» (мэшулам מְשֻׁלָּם). Иными словами, восстановление утраченной целостности (шлэмут שְׁלֵמוּת) понимается как плата, выплата долга (ташлум תְּשֻׁלָּם), а всякое завершение – как примирение (нашлама הַשְׁלָמָה). Примирение с окружающими, с создателем, возможно, с самим собой, с собственным заболеванием (ведь «Шалом!» – не только приветствие, но и прощание). Тем самым процессу исцеления придается характер социальный (в перспективе – биосферно-биоценотический), коммуникативный (диалогический или рефлексивный, экзистенциально-личностный) и к тому же весьма динамичный.

На наш взгляд, выплата долга является очень глубоким символом, раскрыть все грани которого едва ли возможно даже в рамках обстоятельного исследования. Отметим лишь, что данный символ дает очень важную подсказку. По-

мимо свободы в онтологических глубинах здоровья скрывается категория долга, обязанности. Здоровье необходимо понимать как обязанность, долг перед обществом, родителями, Создателем... Рав М. Глазерсон подчеркивает, что в прежние времена, когда человек заболел, он не нуждался в услугах докторов, а анализировал свои поступки и искал, каким образом нарушил волю Создателя [3, с. 11]. Болезнь (מלהלה махала) связывается с пустотой (להלה халаль, это же слово означает жертву, мученика), с утратой религиозности и т.п. Духовная болезнь. Вместе с тем болезнь трактуется как проявление жалости (מלהלה хэмла), божественного милосердия, обращающего внимание человека на то, что его жизнь течет неправильно и, соответственно, на начало (להלה хэхэль), на необходимость начинания новой жизни. Болезнь – знак, сигнал – обращается в пощажение человека.

Болезнь (утрата собственного здоровья, страдания или смерть близкого) помогает мобилизовать душевные силы, адаптироваться к ситуации, сплотиться с окружающими. И способствует глубокому, неформальному усвоению нравственных ценностей. Духовному росту: учит состраданию, пробуждает рефлексию, укрепляет готовность действовать в соответствии с убеждениями, помогает превозмогать страх. С одной стороны, болезнь усиливает любовь к жизни. С другой – убеждает нас в суетности существования, позволяет подготовиться к собственному концу.

В иврите присутствуют семантические структуры, обеспечивающие понимание диалектики здоровья и болезни, способствующие глубокому проникновению в архетипическую модель здоровья. Корень «бет-рейш-алеф» очень прочно синкретизирует здоровье (בריית) с творением (בריית). Творец мира именуется ha-Борэ (בורה) создатель). А божьи создания, твари (בריית) еще не больны, не могут быть больными. Оздоровление (הבריית) – это возвращение к первозданности, хотя, в то же время, и новое

творение. Впрочем, творение вечное и, по большому счету, не столько повторяющееся и возобновляющееся, сколько вневременное. Хотелось бы особо подчеркнуть родство слов «борэ» (בּוֹרֵא творит) и «маври» (מַבְרִיא выздоравливает). Писание требует интерпретации. И мы ничуть не погрешим против истины, если вычитаем в тексте указание на необходимость творческого отношения человека к своему состоянию: выздоровление – это творческая активность (самотворение), к которой и предназначен человек, созданный по образу и подобию творца. И лишь творчеством способен он излечиться от состояния отчуждения, ставшего результатом грехопадения. Грехопадение же и последующее страдание – результат не активности, но страсти (пассивности), впадения в несвободное, нетворческое состояние, в котором Адам и Ева становятся жертвами овладевающей ими стихии, жертвами казалось бы собственного желания.

История Адама и Евы служит началом человеческой истории и парадигмой последующих коллизий. Греческое *πάθος* и, соответственно, латинское *passio*, объединяющее претерпевание (пассивность), страсть (пафос) и страдание, в лексиконе современного врача упростились до крайне биологизированного термина «патология» (физическая, психическая), которую и лечат, соответственно, на инструментально-технический, биологизаторский манер. Так вот, у традиционно-рационалистического взгляда на заболевание имеется существенное отличие от современной академической медицины: если естественное желание выходит из под контроля разума, то оно уже перестаёт считаться естественным, становится противоестественным, поскольку природа разумна.

Тексты Танаха демонстрируют широчайший смысловой спектр понятия «здоровье». Однако, как и в случае с жизнью и смертью, в паре «здоровье – болезнь» маркирован именно правый полюс, что оставляет ложное впечат-

ление большего смыслового содержания болезни по сравнению со здоровьем.

«...Ибо я Господь, целитель твой רפאך» (*Исх.15:26*). Слово «рофэ» (רפא) означает врача и в современном иврите. Достаточно очевидна связь корня רפא с модификациями רפח или רפח, передающими значение «отпускание, снятие напряжения, ослабление» и, наконец, с корнем רחף (рахаф) – витание, парение. Именно в начале сотворения, еще до начала процесса разделения мира, дух (רוח руах), парил (רפחה מэрахэфэт) над бездной. В дальнейшем, как подчеркивает П. Полонский, в результате серии разделений и смешений создаются мир и человек [8, с. 45]. В прочтении П. Полонского слова «и был вечер, и было утро» говорят нам о разделении (корень «бэт-коф-рейш» – утро) и смешении (корень «айн-рейш-бэт» – вечер), поддерживающих, с нашей точки зрения, также и круговорот заболевания и выздоровления.

В Танахе (в Библии) получил отражение широчайший спектр разнообразных линий осмысления заболевания. Вот лишь некоторые из них: немощ (противоположность крепости, силы); неспособность к выполнению тех или иных органических и социальных функций (хромота, слепота, бесноватость); утрата красоты; утрата божественного облика; нечистота (физическая, духовная, но, может быть, прежде всего, нечистота ритуальная); боль в любых ее формах, видах, метаморфозах; близость смерти; отчуждение (в частности, пространственная изоляция, ограничение социального пространства); непременно беззаконие (грех, преступление).

Будучи одной из авраамических религий, христианство воспринимает из иудейской традиции многое. Как и в Танахе, в Новом Завете говорится о необходимости заботы о своем теле и, вместе с тем, подчеркивается приоритет здоровья духовного над здоровьем телесным, точнее, благочестия над телесными упражнениями (*1 Тим. 4:8*). Также сохраняет всё своё значение и проблема объяснения

смысла болезни: «Кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?» (*Ин., 9:2*).

В дальнейшем, однако, процесс заболевания и выздоровления становится ареной, прежде всего, борьбы политической, а не духовной. Становится пространством столкновения интересов индивида и социальных институтов. И на протяжении двух тысячелетий эта тенденция постепенно усиливается.

Библиографический список

1. Бударин Г.Ю. Медицина как социальный контроль: дис. ... канд. социол. н. / Волгоградский государственный медицинский университет. Волгоград, 2005. 148 с.
2. Викторук Е.Н., Минеев В.В. Реализация методологического потенциала философии Мишеля Фуко в практике врача, педагога и психолога // Сибирский вестник специального образования. 2016. № 1–2 (16–17). С.40–46.
3. Глазерсон М. Медицина и Каббала. Тора. Свет. Исцеление. М.: Мосты культуры, 2006; Иерусалим: Гешарим, 5766. 200 с.
4. Декарт Р. Первоначала философии // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 297–422.
5. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 250–296.
6. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001. 594 с.
7. Платон. Государство // Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1971. Т. 3, ч. 1. С. 89–454.
8. Полонский П. Две истории сотворения Мира. Современный еврейский комментарий на книгу Бытия. Иерусалим: Маханаим, 2009. 229 с.
9. Disease // The Barnhart Dictionary of Etymology / Ed. R.K. Barnhart. New-York: H.W. Wilson Co., 1988. 1284 p.
10. Illich I. Medical Nemesis. London: Calder & Boyars. 1975. 184 p.

ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТ В РОССИИ: ВЕХИ СТАНОВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ОБЗОР

Н.Н. Печерина

Научный руководитель: **В.В. Минеев**

Тайм-менеджмент, время, социальное время, Россия, Гастев, Любичев.

В данной статье мы рассматриваем основные этапы становления тайм-менеджмента в России в контексте социально-философских представлений о времени первой половины 20 века. С ростом индустриализации в стране произошла смена парадигмы восприятия времени, осуществился переход к доминированию представления о времени как о ресурсе (время – это деньги). Тем не менее, до сих пор идея тайм-менеджмента и контроля за временем так до конца и не внедрилась в национальное сознание.

TIME MANAGEMENT IN RUSSIA: THE MILESTONES. SOCIAL PHILOSOPHICAL REVIEW

N. Pecherina

Scientific director: **V.V. Mineev**

Time management, time, social time, Russia, Gastev, Lyubishchev.

The article gives valuable information about the major steps of time-management introduction in Russia in the context of social philosophical notions of time in the first half of the 20th century. The industrialization caused the change in the time perception paradigm. The concept of perceiving time as a valuable resource (time is money) has become predominating. Though, time management and the idea of control over personal time are still not rooted deep in national mentality.

Тайм-менеджмент или управление временем традиционно рассматривается в рамках экономических дисциплин. Тем не менее, увлеченность им в современном мире настолько велика, что его применение вышло далеко за рамки экономики и производства. Свои стратегии личной эффективности разработаны для всех: от управляющих биз-

несом до домохозяек, от академиков до школьников. Достаточно одного прочтения манифеста Лиги Время, сформулированного основоположником тайм-менеджмента в России Г. Архангельским, чтобы увидеть и почувствовать совсем не «сухую», не «экономическую» природу этого высказывания:

«Мы все в равном положении перед неумолимым течением времени. Какого бы материального благосостояния мы ни добились, времени у каждого из нас очень немного. В области времени нет миллионеров. Доступный нам капитал времени, оставшегося до конца жизни взрослого человека, составляет примерно 200–400 тысяч часов. И самое главное – время невосполнимо. Потерянное время, в отличие от потерянных денег, нельзя вернуть» [10].

В данной статье мы постарались раскрыть социально философскую природу управления временем, рассмотреть его, в первую очередь, как комплекс метафор, дающих ключ к пониманию изменений, происходящих в национальном сознании наших соотечественников.

История российского управления временем как общественный феномен возникает в 20-е годы прошлого века. У истоков его стоят Алексей Капитонович Гастев [3; 4], руководитель Центрального института труда, и Платон Михайлович Керженцев [6; 7], руководитель Лиги «Время». Основываясь на идеях Ф. Тэйлора и Г.Форда Гастев создает НОТ, Научную организацию труда, но в отличие от них ставит во главу угла не структуризацию производства (Тэйлор) и не его технологизацию (Форд), а человеческий фактор [18]. Он отмечал отсутствие у советских, нынешних российских граждан, культуры труда, которая есть, например, у немцев, и которую необходимо прививать повсеместно, поскольку эффективность организации начинается с личной эффективности каждого работника [11]. Вместе с Керженцевым они всячески популяризируют

ют идею «хронизации». В 1923 году выходит статья Гастева «Время», в которой он говорит:

«Вопрос стоит о самом необходимом условии «хронизации», о самой первой установке на время, о том чтобы изучить свое собственное время, чтобы стать собственником времени, чтобы оценить «быстрый бег его часов». ... Гораздо интереснее и достойнее показывать хотя бы самую скромную победу над временем, чем выставлять напоказ рассеянное, всюду и всем знакомое расточение времени» [3, с. 5–6].

Статья заканчивается словами: *учитывать время – значит дольше жить* [3, с. 38].

Вся статья и это конкретное высказывание глубоко метафоричны. «Изучить собственное время», «собственник времени», «расточение времени» – все это метафоры, призванные концептуализировать ценность времени, и восходящие к метафорическому концепту *время – это деньги, time is money*: ограниченный ресурс, который мы можем использовать в своих целях. В современной западной культуре концепт «время» тесно связан с концептом «работа»: работа измеряется затраченным на нее временем, а время может быть количественно определено, следовательно, плата за труд назначается за час, неделю или год [9, с. 28–29].

Надо отметить, что данная метафора, столь привычная для наших современников, была достаточно нова для страны в то время. Еще недавно Россия была преимущественно аграрной страной, более того страной религиозной, с соответствующими такому обществу представлениями о времени, как о цикле. «В основе временных представлений лежал природно-космогонический природный акт и биокосмические ритмы, согласно которым тогда строилась хозяйственная, семейная, трудовая жизнь человека» [8, с. 76]. Например, у Толстого в «Анне Карениной» мы читаем, как Левин нанимал работников на сезон или для выполнения той или

иной работы. И время найма, и вопрос оплаты были достаточно гибки, и зависели не только от результата труда, но и от полученного урожая, природы и погоды [17].

Первая публикация романа приходится на 1877 год, т. е. от промышленной революции его отделяет всего около 40 лет. Следовательно, ни о какой кардинальной массовой смене парадигмы времени в сознании людей в 20-е годы не могло идти речи.

Кроме того, в тексте Гастева прослеживается и метафорическая концептуализация времени как *стихии*, даже *врага*: «победа над временем», которая, с одной стороны, характерна для дискурса той эпохи вообще. А с другой это и более общий, универсальный, концепт. В частности, Курбатова отмечает, что время на современном этапе воспринимается в качестве скорее разрушительной, а не созидательной силы. Приближаясь к смерти, человек склонен винить время, которое *проходит*, и которое *невозможно остановить*, тем более *вернуть вспять* [8, с. 77]. *Время – разрушительная сила* – яркий пример деструктивной метафоры.

А.К. Гастев ставит перед человеком задачу, с одной стороны, осознать поток времени, специфику потока своего личного времени и себя в этом потоке («хронизация» для рабочего, партийного работника, крестьянина и домохозяйки будет существенно отличаться), а с другой стороны, научиться свое время контролировать: «Если ты имеешь ключ ко времени, ты – вооруженный инженер своей жизни» [3, с. 12]. Управление временем позиционируется не столько как банальный экономический инструмент, призванный увеличить личное благосостояние и благосостояние государства, но как инструмент самопознания человека, дающий возможность вырасти над собой, и который, по мнению Гастева должен был стать частью нового культурного кода. Под культурой он понимал не столько грамотность и начитанность, сколько «сумму новых социальных умений, соци-

альных снаровок» [4]. И учет времени, несомненно, виделся ему первым из этих умений.

Нелишне также вспомнить, что 1920-е это годы НЭПа и бурного промышленного и экономического роста. И Гастев с его нововведениями, будучи сторонником «коммунистической американизации», пришелся как нельзя кстати. К концу 20-х НЭП был свернут, Гастев проработал еще около 10 лет Председателем всесоюзного комитета по стандартизации при Совете Труда и Обороне. Был расстрелян в 1939 году.

Видение времени Гастева удивительно созвучно эпохе, и мировым тенденциям. Первые десятилетия 20 века богаты знаменательными исследованиями времени. В 1905 Э.Гуссерль опубликовал «Феноменологию внутреннего сознания времени. В 1915 году А. Эйнштейн выступил в берлинской Прусской академии наук с докладом, в котором озвучил окончательные уравнения общей теории относительности, а в 1919 астроном Артур Эддингтон подтвердил прогноз теории относительности об эффекте воздействия гравитационного поля на лучи света, что дало почву для еще более глубокого изучения и переосмысления феномена времени. В 1922 Бергсон опубликовал скандальную работу *Durée et simultanéité, a propos de la theorie d'Einstein (Duration and Simultaneity: Bergson and the Einsteinian Universe)* Бергсона, а в 1927 свет увидел «Бытие и Время» М. Хайдеггера [20].

В 1924 году выходит книга В. Муравьева «Овладение временем как основная задача организации труда», в которой он подводит под НОТ (Научная организация труда) фундаментальную философскую базу, основываясь в значительной степени на идеях Эйнштейна и Бергсона. [15] Идеи Анри Бергсона вообще были очень популярны до революции в России и, несомненно, оказали значительное влияние на формирование мировоззрения новой элиты. Бергсон различал объективное математическое время, которое, по его мнению, является формой пространства, и *длительность*

(ключевое понятие в философии Бергсона, оно появляется уже в его первой книге «Время и свобода воли») – время составляющее саму суть жизни. Время, по Бергсону, – существенная характеристика жизни и разума: «Повсюду, где кто-нибудь живет, всегда найдется раскрытый реестр, в котором *время ведет свою запись*» [2].

Свойственны Бергсону и деструктивные метафоры времени и жизни. Он сравнивает ее со снарядом, разрывающимся на части, которые суть снова снаряды; с кавалерийской атакой: «...Все живые существа держатся вместе и все поддаются одному и тому же страшному напору. Животное опирается на растение, человек обуздывает животных, и все человечество в пространстве и во времени – это одна огромная армия, скачущая галопом рядом с каждым из нас, впереди и позади нас в сокрушительной атаке, *способная преодолеть всякое сопротивление и победить многие препятствия, может быть, даже смерть*» [16, с. 947–955].

Проблема скоротечности и необратимости времени продолжает волновать и современных философов. Этому вопросу, в частности, посвящены работы В.В. Минеева [13; 14].

Таким образом, несмотря на то, что НЭП был свернут, 1920-е годы оставили последующим поколениям, в первую очередь хронокарты, ставшие неотъемлемой частью производственного процесса, и новую парадигму представлений о времени, как о ценности, ресурсе, и как следствие необходимость его учитывать, беречь, расходовать рационально. Трудно сказать до какой степени эти идеи проникли в глубь массового сознания людей, но определенно оказали свое влияние на многих.

В 1974 году выходит биографическая повесть Д. Гранина «Эта странная жизнь» о профессоре Александре Александровиче Любищеве, биологе и энтомологе, математике и философе. Сам себя он называл провинциальным профессором, которым, по сути, и являлся. Но славу его в широком

смысле составили не его научные изыскания, а уникальная система учета времени и высочайшая, почти религиозная, самодисциплина в следовании ей.

Начиная с 1.1.1916 до самой своей смерти в 1972 году, т. е. в течение 56 лет, Любищев учитывал разные виды своей деятельности с точностью до 5 минут, не делая исключений даже в выходные. По результатам учета составлялись подробные отчеты, на основании которых осуществлялось планирование последующих периодов. Эта система позволила Любищеву оставить колоссальное наследие: помимо опубликованных работ его архив включал более 300 ненапечатанных статей объемом более 10 000 страниц, 56 томов конспектов, 4,5 тысячи писем. Подробно его подход к учету времени изложен в книге Гранина, а также в посмертной статье «Такая добровольная каторга» [5; 12].

Еще одно несомненное достоинство системы в том, что она учит не просто хронометрировать повседневные дела, но исходить из своих ценностей и приоритетов, учитывать свои физические и умственные возможности, использовать любое дополнительное время. Так сам А.А. Любищев всегда использовал время в дороге, имел для этого соответствующий запас книг.

Эксперимент и система Любищева по сути вытекают из НОТ. Молодость ученого и становление системы (1916) как раз приходятся на время расцвета идей Гастева. Сегодня сложно сказать, был ли Любищев вдохновлен НОТ или просто находился под властью духа времени. Нравственный подвиг ученого, поставившего эксперимент длиной в жизнь, стал, с одной стороны вдохновением для нескольких поколений, а с другой – не мог не вызвать вопросов о его целесообразности: в чем заключается польза подобного учета, зачем тратить и без того недостаточное время жизни на учет и отчетность. Сам Любищев одним из достоинств своей системы называл помимо повышения эффек-

тивности и избавления от скуки – увеличение самокритики и самопонимания, познание своих реальных возможностей. Таким образом, в 1970-е личное управление временем обладало не только практической ценностью, но и являлось инструментом для личностного и духовного роста.

Во второй половине 1990-х Россия знакомится с западными системами управления временем, появляется понятие тайм-менеджмента как таковое. Широкое распространение приобретают работы американских специалистов по личной эффективности – Д. Аллена [19], С. Кови и др. В 2007 на базе ВШЭ появляется первая кафедра тайм-менеджмента в России, заведующим кафедрой становится Г. Архангельский. Одновременно, к концу нулевых накапливается и релевантный опыт применения этих систем в жизни и на производстве. И этот, на сегодняшний день уже двадцатилетний, опыт не всегда оказывается позитивным.

Во втором десятилетии 21 века становится очевидным, что западные системы управления временем в России не работают и не приживаются. И встает вопрос о создании национальной системы тайм-менеджмента, которая бы учитывала исторические, культурные и социальные особенности России. Предстоит, с одной стороны типировать страну в контексте полихронности и монокронности, выявить особенности отношений с «хроносом» и «кайросом» [1]. А с другой, адаптировать под менталитет уже имеющиеся инструменты тайм-менеджмента, а также, возможно, выработать новые. Эта задача очевидно должна решаться на стыке таких дисциплин как менеджмент, социальная психология и социальная философия. Особый вклад может быть внесен со стороны нейропсихологии, нейролингвистики и нейрофилософии. Представляется, что корни национального отношения к увеличению эффективности использования как личного, так и производственного времени как раз и могут быть найдены в работах Гастева и Любичева.

Библиографический список:

1. Архангельский Г.А. Тайм-драйв. Как успевать жить и работать. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012.
2. Бергсон А. Непосредственные данные сознания. Время и свобода воли. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
3. Гастев А. К. Время. М.: Центральный институт труда, 1923. 40 с. («Орга-библиотека ЦИТ». №1).
4. Гастев А.К. Как надо работать. М.: Экономика, 1972.
5. Гранин Д. Эта странная жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015.
6. Керженцев П.М. НОТ. Научная организация труда и задачи партии. М.: Пг., 1923.
7. Керженцев П.М. Принципы организации. Избранные произведения. М.: Экономика, 1968.
8. Курбатова Н.И. К вопросу об общности метафорической номинации концепта *время* в английской и русской языковых картинах мира // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2014. № 2. С. 75–78.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
10. Лига время – tmliga.ru
11. Лукашенко М., Телегина Т. и др. Тайм менеджмент. Полный курс. М., Альпина паблишер, 2017.
12. Любищев А.А. Такая добровольная каторга // Химия и жизнь. 1976.
13. Минеев В.В. Социальные аспекты смерти (философско-антропологический анализ). М.: Директ-Медиа, 2014.
14. Минеев В.В. Уход из жизни: социально-философский ракурс. М.: Директ-Медиа, 2014.
15. Муравьев В. Овладение временем как основная задача организации труда. М., 1924.
16. Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней. М.: Академический Проект, 2009.
17. Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: Наука, 1970.
18. Чистякова К.А. Движение за научную организацию труда 1920–1930-х годов в Советской России. К истории форми-

рования российской школы «человеческих отношений». М., 2004. 280 с.

19. Allen D. Getting Things Done: the Art of Stress-Free Productivity. New York: Penguin Putnam, 2001.
20. Scott D. The «concept of time» and the «being of the clock»: Bergson, Einstein, Heidegger, and the interrogation of the temporality of modernism // Continental Philosophy Review, 2006. P. 183–213.

ЭТИКА НАУКИ В АМЕРИКАНСКОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

А.С. Черняева

Этика, наука, этика исследования, ответственность, научное знание.
В статье исследуются причины актуализации вопросов этики науки, рассматривается содержание этических проблем научного исследования и описывается современный теоретический подход к решению этих вопросов в биоэтике США.

THE ETHICS OF SCIENCE IN AMERICAN THEORETICAL RESEARCH

A.S. Chernyaeva

Ethics, science, research ethics, responsibility, scientific knowledge.
The article investigates reasons of updating questions about ethics of science. The maintenance of ethical problems of scientific research is considered. It describes modern theoretical approach to the solution of these questions in bioethics of the USA.

В 60-е годы XX века в системе наук начинают происходить изменения настолько существенные, что в отечественной академической традиции говорится о формировании нового – постнеклассического – типа научной рациональности. Расширяются границы науки, трансформируется научная картина мира, изменяются идеалы и нормы науки [2]. Философия науки, как область рефлексии над сущностью и образами научной деятельности, стремится зафик-

сировать основания и предсказать последствия этих изменений. В сферу внимания попадает вопрос о корреляции научной исследовательской деятельности и этики.

Еще в декабре 1961 года английский ученый, государственный деятель и писатель Ч.П. Сноу выступил на ежегодной конференции Американской ассоциации содействия научному прогрессу в Нью-Йорке с речью «Воинствующая моральность науки», в которой заявил, что значение деятельности ученых возросло настолько, что от неё зависит, выживет человечество или погибнет. Тяжёлая ответственность ложится на тех, кто занимается наукой, не все готовы принять её: сложилась концепция «этической нейтральности науки», в которой результаты научных исследований и способы (и последствия) использования их резко отделяются друг от друга. А между тем, по словам Ч.П. Сноу, мораль вплетена в самую сущность науки: стремление к постижению истины уже является моральным импульсом. И кроме того, учёные обладают большей полнотой знания, вследствие чего точнее могут предсказать опасности и угрозы. Моральный долг обязывает говорить о том, что они знают, несмотря на риск лишиться доброго имени или стать персонами нон-грата в собственной стране [4].

Сегодня, в XXI веке, вопросы морального долга и ответственности, этики и науки продолжают сохранять актуальность. Интересные исследования в области биоэтики, медицинской этики, клинической этики и этики науки в целом проводятся в США в Национальном институте экологических наук о здоровье. Один из руководителей института, Дэвид Б. Ресник, PhD по философии, биоэтик, является автором работ «Играя в политику с наукой: между научной независимостью и правительственным присмотром», «Цена истины: как деньги определяют правила науки», «Ответственное поведение исследователя» и др. В статье «Что такое этика в исследованиях и почему она важна?» (What is

Ethics in Research & Why is it Important?), опубликованной в 2015 году, ученый предлагает понимать этику как одну из наук о «стандартах поведения» наряду с философией, психологией, социологией и теологией. Этика служит методом, процедурой или стратегией для решения сложных проблем или выбора образа действия. Специальная теоретическая область – этика исследования – изучает нормы, регулирующие различные отношения в сфере науки [5].

Какие основания могут существовать для признания этики реальным, а не декларативным, регулятором научной исследовательской деятельности? Во-первых, считает Д.Б. Ресник, этические нормы поддерживают такие цели исследования, как получение новых знаний и истина. Во-вторых, отношения между различными исследователями и научными организациями поддерживаются, в том числе, и общими ценностями: доверием, ответственностью, справедливостью, взаимоуважением. В-третьих, этические нормы служат определенной гарантией того, что исследователи несут ответственность перед общественностью [5].

Подтверждением возрастающего влияния этических норм на деятельность ученых служит непрекращающееся создание профессиональными ассоциациями и университетами кодексов и правил по этике исследования [2, с. 123–124]. Обобщая основные идеи подобных кодексов, Д.Б. Ресник формулирует этические принципы науки: честность, объективность, целостность, тщательность, открытость, уважение к интеллектуальной собственности, ответственность (во всех возможных проявлениях, от ответственности за предоставление оригинальных материалов к публикации до социальной ответственности), уход за подопытными животными и защита людей, участвующих в экспериментах [5].

Безусловно, признавая полезность и значимость кодексов и политик в соответствующих областях, мы пони-

маем, что каждая конкретная проблемная ситуация не будет с точностью подпадать под конкретное правило или норму. Поэтому важно, чтобы исследователи были обучены интерпретировать и анализировать проблемные ситуации и осуществлять обоснованный и этически верный выбор. Одним из методов решения этических дилемм может стать стэйкхолдеранализ (stakeholder-analysis) [2, с.131]. Еще один очевидно перспективный метод – анализ ситуаций (case-study). Д.Б. Ресник предлагает задуматься перед принятием решений над такими вопросами, как: «Какое решение будет иметь лучшие последствия для науки и общества?», «С каким выбором Вы не могли бы жить?», «Что сделал бы в этой ситуации самый мудрый человек, которого Вы знаете?», «Какой выбор был бы самым справедливым и ответственным?» [5].

Большинство академических учреждений в США, по словам Д.Б. Ресника, требует, чтобы студенты, выпускники или аспиранты были хотя бы в некоторой степени образованными в вопросах ответственного поведения исследователя. Формированием этих компетенций заняты, в частности, Национальный институт здоровья в США. Многие академические учреждения за пределами США также разработали образовательные учебные планы в этике исследования. Нередки случаи, когда неэтичное поведение легко объясняется элементарным незнанием о том, каковы в действительности нормы научной этики. И хотя примеры недобросовестности и не слишком многочисленны, масштаб последствий может быть огромным [5].

Справедливо будет отметить, что тема «Этика науки» входит в программу дисциплины «История и философия науки», преподаваемую аспирантам Красноярского педагогического университета кафедрой философии, социологии и религиоведения, и подробно анализируется в учебных пособиях, адресованных аспирантам [1; 2; 3].

Библиографический список

1. Викторук Е.Н., Минеев В.В., Черняева А.С. История и философия науки: от эпистемологии к этике. Красноярск: НВJ КГПУ им. В.П. Астафьева, 2017. 172 с.
2. Викторук Е.Н., Черняева А.С. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей. Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2014. 156 с.
3. Викторук Е.Н., Черняева А.С. Философия науки: история, методология, этика: учебное пособие для аспирантов и соискателей. Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2015. 120 с.
4. Сноу Ч.П. Воинствующая моральность науки // Ч.П. Сноу. Две культуры. Сборник публицистических статей. М.: Прогресс, 1973. С. 127–142.
5. David B. Resnik. What is Ethics in Research & Why is it Important? URL: <https://www.niehs.nih.gov/research/resources/bioethics/whatis> (дата обращения: 16.08.2017).

АДАМ СЕЛИГМЕН: ПРОБЛЕМА БЕЗВЕРИЯ И ЭТОС ИЛЛЮЗИОНИЗМА ВЕРЫ

В.Л. Круглов

Вера, неверие, доверие, сознание, социальные институты, социальные патологии, социальное здоровье, творчество, персона, общество.

Какова природа «веры» и «безверия» в современном обществе? Критически рассматривая идеи А.Селигмена, автор анализирует антропологические и социальные аспекты данного явления и рассуждает о перспективах подходов к решению проблемы.

ADAM SELIGMEN: THE PROBLEM OF UNBELIEF AND THE ETHOS OF ILLUSIONISM FAITH

V.L. Kruglov

Belief, unbelief, trust, consciousness, social institutes, social pathologies, social health, creativity, the person, a society.

What nature of «belief» and «unbelief» in a modern society? Critically considering A.Seligmen's ideas, the author analyzes anthropological and social aspects in question phenomenon, and argues on prospects of approaches to the decision of a problem.

Во ходе прошлой сессии «Этики меняющегося мира» – анализируя современный феномен безверия, механизмы доверия и проблему «расстройства веры», – в качестве одного из программных векторов решения данной проблемы мы рассмотрели идеи австрийского психолога и психотерапевта Виктора Франкла [4].

Сегодня же, в качестве фигуры манифестирующей другой проект решения мы выбрали американского философа и социолога Адама Селигмена, активно занимающегося исследованием доверия в современном обществе как проблемы «взаимодействия принуждения и согласия» [6, с.7]. Как *современный мыслитель*, Селигмен уже не питает иллюзий в отношении исторического фона изгнания веры, а принимает как факт: «Именно в том, что доверие как определенное отношение к инаковости другого *имет своим объектом человека*, а не какую бы то ни было трансцендентальную сущность, и заключается отличие доверия от религиозной веры. Фактически, проблема доверия как таковая возникает вследствие присущего миру людей, миру человеческих занятий и интересов, *беспрерывно углубляющегося внутреннего размежевания*. Поэтому есть смысл вновь обратиться сейчас к рассмотрению данной стороны процесса секуляризации – ведь он является тем историческим фоном, который позволяет нам ощутить, насколько возрос уровень доверия (или потребность в доверии) *в мире, все более освобождающемся от веры*» (курсив наш – В.К.) [6, с.46]. Характерно, что и совесть – базовую составляющую логотерапии, – Селигмен редуцирует лишь к «степени идентификации с ролью»¹.

Абсолютно справедливо различая «веру» и «доверие» [6, с. 46–51]², и понимая последнее в качестве «додоговорного элемента» общественных установлений [6, с.7–8], мыслитель, тем не менее, напрямую связывает его с со-

стоянием уверенности в обществе, определяя уверенность как «*безусловный предел* системно определенных ожиданий» (курсив наш – В.К.) [6, с. 197]. Однако, в ходе анализа трансформации социума и изменений ролевого поведения, направленных к «ролевой сегментации» современного человека, – с одной стороны, фиксирующего и подтверждающего девальвацию веры, а с другой объясняющего и усиление потребности в доверии, – Селигмен обнаруживает и детально показывает всю иллюзорность и спекулятивность выстраивания такой связи в «обществе конца XX века», и соответственно социальных перспектив в отношении «духовной близости» людей: «непредсказуемые стороны деятельности другого уже не могут иметь с нашей стороны того или иного ответа (то есть между нами уже не происходит согласования ролей в рамках общих символических границ) и воспринимаются только как внешняя опасность, внешняя угроза. В этом и состоит различие между ситуацией гражданского взаимоуважения и положением, при котором все время приходится носить с собой баллончик с отравляющим газом или же по каждому поводу прибегать к услугам адвоката, искушенного в согласовании границ системы, но не границ личности (хотя при нынешнем безграничном распространении технологий воздействия на личность, сопровождающимся появлением технократов, специализирующихся на этих воздействиях, не исключено, что мы скоро начнем обращаться к помощи специалистов также и в этой сфере)» [6, с. 200–201].

Во-первых, отслеживая социологическую составляющую проблемы, американский мыслитель констатирует факт появления «полисферической личности», которая «значима не только в религиозном плане», но «заставляет усомниться в тех традиционных, внушенных нам представлениях *об индивидуальном*, которые отождествляются нами

с цивилизацией и гражданской составляющей буржуазной культуры» (курсив наш – В.К.) [6, с. 193–194].

Во-вторых, как социолог он безукоризненно доказывает, что «если развитие ролевой сегментации достигает той точки, когда духовная близость социальных акторов уже невозможна, наступает критический момент в плане сохранения «соразмерности» между ролью и актором. Данный ход мысли соответствует мидовскому пониманию, согласно которому личность существует только через отражение ее в глазах другого. В отсутствие же других, в глазах которых личность может быть конституирована, *социальная составляющая личности действительно разрушается*» (курсив наш – В.К.) [6, с. 192].

В-третьих, А.Селигмен вынужден признать, что при крушении социальных составляющих личности вкупе с ломкой традиционно индивидуального, «индивидуальное может *перестать играть роль основы персональной идентичности, а вместе с этим исчезнут и предпосылки для возникновения доверия*» (курсив наш – В.К.) [6, с.200].

В-четвертых, «факт утраты личиной индивидуальности, воспринимающийся как *неизбежная составляющая прогресса современного общества* в североатлантических и западноевропейских сообществах» (курсив наш – В.К.) [6, с. 193] заставляет исследователя искать опору в «возврате к групповым связям и групповым идентичностям», поскольку «если идея додоговорного уже не опирается на представления об индивиде как моральном агенте, она должна опираться на что-то другое» [6, с. 194], и *обнаруживает нечто противоположное* исходным мотивам анализа: «Однако, еще важнее тот факт, что способность к доверию мы утрачиваем вместе с представлением об индивиде как принципиальном носителе присущих обществу безусловностей. Наша усугубляющаяся неспособность согла-

совывать границы своих интеракций, не прибегая при этом к суровым и неизменным правилам и распорядкам, есть еще одно свидетельство того, что нерегламентированные переговоры в обстановке доверия *вытесняются расписанным по правилам поведением – поведением, основанным на системной уверенности*» (курсив наш – В.К.) [6, с. 201–202] – то есть на такой системной уверенности, в которой рассуждать о статусе *безусловности* уже не имеет смысла³.

В конце концов, уже без каких бы то ни было иллюзий доверия, социолог в итоге печально размышляет: «Если церковь надлежит строить на камне, то и индивидуальные личности также должны иметь под собой солидное основание. Рано или поздно придется перестать заниматься саморефлексией; рано или поздно актеры должны снять грим с лица, обнажив свои неизменные черты, не подверженные приспособлению и не реагирующие на указания; рано или поздно человек должен *определиться*, явив собственное имя, цвет волос, пол, размеры тела, процент жира и силу мускулов – все, что является не функцией выполняемой им работы, а *выражением его собственной сущности*. А если идея индивида больше не обладает подобным содержанием, то им должно обладать что-то, что находится за *личностью*, под маской, что-то другое – и этим другим вполне может быть возврат к групповым идентичностям. В таком случае, мы вполне можем остаться один на один с буржуазными *политическими формами, выполняющими роль организаторов* социальной жизни, *но при этом лишенными содержания*. Как все это скажется на организации общества – *вопрос открытый*» (курсив наш – В.К.) [6, с. 194–195]. Тем самым, проблема доверия, именно как проблема взаимодействия *принуждения и согласия*, под маской «доверия к Человеку» обернулась социальным фантазмом «духовной близости» людей в современном мире. Мире, в котором «другой» ста-

новится «чужим», из которого изгнана вера и исчезает доверие, а прогрессирующее отчуждение замещает «согласие» *принуждением к согласованности*. Начиная с выявления специфики доверия «без обращения к идее веры или другим формам теологической спекуляции» [6, с. 20], Адам Селигмен в результате «снимает грим», обнажив лицо «жесточкого зачарованного мира», напоминающего «гоббсовскую картину» гражданского общества⁴ и предупреждает о более масштабной трансформации доверия, «способной затронуть и само понятие рациональности» [6, с. 203], иначе – дает свидетельство угрозы прогрессии *бес-содержательной самоуверенности* рационального контроля социальной жизни на грани болезненного безумия⁵. Личностное принуждение как следствие социальной обязанности формирования акта согласия – как механизм социального контроля, минимизирующий конфликтность и девиантность в обществе, и положенный в основание социального иллюзионизма «веры» и «доверия», – оборачивается замещающим суеверием обезличенной «самости» власти, тотализированной самоуверенностью модернизированных социума и человека. Государство, как делегируемый авторитарный центр регуляции генерального обмена, в обмен на предписанные профессионально-ролевые функции актора социальной деятельности, берет *на себя* защиту общества от состояния патологической тревоги, *распределяя «веру» и «доверие»* по гражданским институциям. В то же время, постоянно провоцируя конфликт между частной и публичной сферами общественной жизни на фоне разворачивающейся конфигурации современного «культурного строительства», государство вынуждено пересматривать и отношения с религией.

С эпохи модерна специалисты по «душевному здоровью» неустанно работают на понижение статуса этой традиционно консервативной институции, призванной к па-

тронажу веры. И «целебные» рецепты тут давно известны: чем крепче суеверие, самонадеянность и самоуверенность власти, тем больше шансов прямой замены религии тоталитарной «идеологией» – путь к «выстраданному неверию» (С. Булгаков)⁶; если же лицемерное безверие власти, конституируя иллюзию веры, сохраняет «лицо» доверительного согласия с религией, то государство, идеологически манипулируя религией, либо старается навязать ей коренные реформы, соответствующие «духу времени», либо отдает религию на откуп признания «безверия своим частным делом» (Ф. Ницше)⁷.

Однако за всей лапидарностью западного рационализма брезжит *вера* и *надежда* в человека – в *здоровые силы* общества и личности, – что объединяет её и с нашей отечественной, искренне выстраданною, традицией неверия. Лишь один пример, настолько же парадоксальный, насколько и характерный, в частности, для англо-американской традиции: в гораздо более спокойной атмосфере модернизации, по крайней мере, менее острой, чем сегодня, такой трезвый и великий прагматический ум, как У. Джемс, *переживший* «личный конфликт с нигилизмом и искушением покончить жизнь самоубийством» напишет: «Мое первое действие свободной воли должно быть верой в свободную волю. ... Не в максимах, не в *Anschauungen* [созерцательных взглядах], но в накопленных действиях мысли лежит спасение. До сих пор, когда я чувствовал, будто я проявляю свободную инициативу, например, смелость действовать необычным образом, без осмотрительного выжидания, когда внешний мир, поразмыслив, все решит для меня, самоубийство представлялось мне наиболее мужественной формой для того, чтобы облечь в нее свою смелость. Теперь я продвигаюсь еще на шаг вперед в развитии воли, стремясь не только действовать заодно с ней, но также ве-

ритель, верить в свою индивидуальную реальность и творческую силу. Моя вера, конечно, не может быть оптимистичной, но я утверждаю жизнь (реальность, благо) как проявление свободной воли в *сопротивление* его миру. Жизнь должна быть неотъемлемой частью делания, и страдания, и созидания» (30 апреля 1870) [Цит. по: 1, с. 158]⁸.

Но у России есть одно историческое преимущество – *опыт выстраданного неверия*, – и из него нужно делать выводы, предельно осторожно относясь к модели эстетствующе «разворачивающейся конфигурации культурного строительства» западных стран, которые по мере осознания проблемы делают лишь первые практические шаги в направлении ее решения, а не иллюзионистского сокрытия. И надо полагать, *на сегодня*, у России гораздо меньше «иллюзий веры» и, по крайней мере, рецидив прямого насилия над ней у нас невозможен. Кроме того, на данный момент – в стихии развивающихся механизмов государственного управления, – нет еще и матёрой самоуверенности лицемерия власти, как нет и раскормленной альтернативы частно бюргерского бездействия. Государство действительно заинтересовано в *активности* «третьего сословия», а значит признанию «безверия своим «частным делом» исходно противопоставлено «мужество быть», совпадающее с вектором собственного культурного строительства. С распадом советской идеологии, патриотическая идея новой государственности еще не имеет почвы для спекуляции верой, и изощренным технологиям принуждающего кредита доверия современная отечественная государственная машина вынуждена предпочесть политику утверждения веры. Власти действительно нужна живая и здоровая вера, тем самым у России есть шанс осуществить пессимистичную надежду здоровых рефлексий западной мысли: развить, воспитать и опереться на *здоровые* силы общества и личности. И интенция вос-

питания культуры веры – удержание разомкнутых поэзисом границ культуры, блокирующее распад эстетизма и патологии социальной стратификации, – может стать *современной* социально-политической альтернативой *модернистскому* купированию проблемы безверия. Насколько этот шанс будет использован – насколько эта задача будет решена в сферах государственной политики и религиозной деятельности, насколько вера будет внедрена в духовную близость социальных коммуникаций и приватно-повседневного общения, – зависит от глубины осознания *человеческой природы* этого феномена и таланта *творческой реализации этой природы* в жизнь современного российского общества. На доверии к какому «человеку» власть выстроит защиту от собственного декадентства? – покажет будущее.

Вера – это *до-стояние* человека, а не присвоенная функция власти, государства, общества, церкви, и даже религии. Как *социальный* институт, в отличие от своей *культурной миссии*, религия видимо никогда не сможет освободиться от своей исконно противоречивой исторической двойственности, ведь по сути «религиозная вера» – это тоже спекуляция верой, а значит и человеком, – как в *положительном*, так и в *негативном* смыслах этого слова. И именно как составляющая культуры, наряду с поэзисом и ноэзисом, вера держит и *подтверждает* акт созидания-схождения пространств «этоса» и «топоса» человека. Не из религиозного экстаза и суеверий слепой и оторванной «самости» питается вера, а из поэтического возвышения и ноэтического утверждения «идеального». Не случайно, история не знает религии без поэтического откровения, но настоящее искусство, манифестируя эстетизм, всегда трансцендирует религиозный опыт: «вера – это не феномен в ряду других, но это центральный феномен в жизни человеческой личности, явный и скрытый одновременно. Он религиозный и трансцен-

дирующий религию, он универсальный и конкретный, он бесконечно меняющийся и всегда тот же самый. ... Вера отстаивает себя и оправдывает себя в борьбе с теми, кто нападает на нее. Ведь борьбу с верой можно вести только во имя другой веры» [7, с. 215].

Примечания

1. Размышляя о лумановском понимании совести «как центре контроля за сведением потенциала действия к масштабу индивидуальной личности» и толкования природы доверия, механизм которого «в сущности состоит в функционировании совести», Селигмен замечает: «совесть может означать только степень идентификации с ролью» [6, с. 206].
2. Далее, в ходе исследования (главы: «Самодеятельность, вежливость и парадокс солидарности» и «Индивид, возникновение совести и частная сфера. Историческая интерпретация самодеятельности и сильных оценок») автор разлучает *современное* состояние веры и с идеями «чести», «милосердия», «благодати».
3. В главе «Доверие и генерализованный обмен», опираясь на взгляды Роберта Патнема и Френсиса Фукуямы, А.Селигмен особо затрагивает проблему «безусловности». Уточняя природу доверия как социального капитала и средства осуществления обмена, «реальная практическая ценность которых состоит в обеспечении эффективного функционирования политических (и экономических) систем» [6, с. 84–85], мыслитель обращает внимание на динамику социализации (точнее, *институциализации*) феномена в современном обществе: «доверие есть такая разновидность социального капитала, которая обретается и используется только группой в целом, что создает возможность существования в среде ее членов *генерализованного доверия*» [Там же, с. 85], отсюда и появление *механизмов* «генерализованного обмена» как «безусловной взаимности», выстроенной на доверии [Там же, с. 91]. С другой стороны, он подчеркивает, что

именно «представление о собственном я связано с присутствующими во взаимоотношениях людей моментами безусловности» [Там же, с. 89]. В результате, различая «самостоятельную разновидность безусловности» и безусловность как «механизм поддержания системы уверенности» [Там же, с. 104], Селигмен обнаруживает «побочный продукт» и «непредвиденное следствие» [Там же, с. 111] институционализации доверия – «противоречие между *совершенно различными областями*» (курсив наш – В.К.), антитезу доверия как генерализованного обмена и «первородного доверия», – порождающую «конфликт между частной и публичной сферами» общества [Там же, с. 114].

4. Из последней фразы «Проблемы доверия» [6, с. 203].
5. Показательно, что Селигмен, анализируя социально «безусловное» использует сравнение с механизмом известной игры «Дилемма узника», смоделированной математиком Альбертом Таккером, где оптимальный результат достижим лишь в случае *нерациональной стратегии риска*, основанной на доверии игроков друг к другу [6, с. 89].
6. Феномен искренне выстрадавшего неверия по своей природе замечательно *двуличен* – в нем, как ни в чем другом, очевиднейшим образом «слепота» личности *смыкается* с «лицемерием» государства. Сравните: если С.Булгаков находил *в* исконно искреннем неверии русского народа остова веры, – «наше русское неверие обычно остается на уровне слепой догматической веры» [2, с. 252], – то А.Хомяков обнаруживал *за* такой «неподдельной искренностью» западного человека «лишь лицемерие религиозности»: «Окончательное торжество религиозного скептицизма еще не наступило; но и в настоящее время можно утвердительно сказать обо всей Западной Европе, что у нее нет никакой религии, хотя она и не смеет еще признаться в этом себе самой. Отдельные лица томятся потребностью религии, но, не находя ее, удовлетворяются вообще тем, что немцы так верно называли *религиозностью*. Правительства хорошо понимают практическую выгоду религии, какой бы то ни было, в осо-

бенности по отношению к низшим слоям народа, и потому, опасаясь встретиться лицом к лицу с *открытым неверием*, показывают вид, будто сами во что-то верят. Все, и правители, и управляемые, руководствуются макиавеллевскою заповедью: «Если бы не было Бога, следовало бы его выдумать», – но все, и правители, и управляемые, довольствуются либо призраком, либо каким-нибудь подобием религии. Кажется, мы дали бы самое точное определение настоящего состояния, сказав, что латинская идея религии превозмогла над христианскою идеею веры, чего доселе не замечают. Мир утратил веру и хочет иметь религию, какую-нибудь; он требует религии вообще. Поэтому только в безверии и можно теперь встретить *неподдельную искренность*, и замечательно, что обыкновенно нападают на безверие не за то, что оно отвергает веру, в чем, однако, заключается его вина, а за то, что оно делает это откровенно, то есть за его честность и благородство. Общественное негодование преследует пэра Франции, с трибуны провозглашающего свое собственное безверие и безверие своих слушателей; общественное негодование преследует поэта, чьи творения суть гимн безбожию; оно преследует ученого, трудолюбивыми изысканиями подкапывающего основания религии, в которую он не верит; но общественное негодование *безмолвствует перед религиозным лицемерием*, составляющим как бы единственную религию Запада. Не должно этому удивляться» (курсив наш – В.К.), [8, с. 110].

7. Из «Человеческое, слишком человеческое»: «Но если государство уже не смеет извлекать пользы из самой религии или народ имеет слишком разнообразные понятия о религиозных вопросах, так что он уже не может позволить правительству никакого определенного однообразного способа действий в религиозных мероприятиях, – то выходом из этого неизбежно явится то, что религия будет рассматриваться как частное дело и ответственность за нее будет переложена на совесть и привычку каждого отдельного человека». Далее философ дает замечательный анализ сочетания «просвещенного деспо-

тизма» и признания «безверия своим «частным делом», хоть и ведущего к устранению противоположности между «частным» и «публичным», но чреватый девальвацией самой власти, «отменой понятия государства» [5, с. 443–444].

8. Позднее, в работе ставшей классикой философской мысли – «Многообразии религиозного опыта» (1902), – Джемс подтвердит свое кредо уже результатами исследования «сублиминальной сферы сознания»: «Впечатление от этих явлений таково, что некая идеальная сила, которая, с одной стороны, является частью моего «я», а с другой не «я», *проявляется в них, возбуждает центр нашей духовной энергии и порождает то душевное обновление, которое недостижимо никаким иным путем*», «Единственно, что непоколебимо устанавливает религиозный опыт, – это возможность *пережить единение с чем-то более широким, чем наша личность и находиться в этом единении глубокий душевный покой*» (курсив наш – В.К.) [3, с. 416–417].

Библиографический список:

1. Американская философия. Введение. М.: Идея-Пресс, 2008.
2. Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов: в 2 т. СПб: Из-во РХГИ, 1997. Т. 2.
3. Джемс, Вильям. Многообразие религиозного опыта. СПб.: Андреев и сыновья, 1993.
4. Круглов В.Л. Виктор Франкл: проблема безверия и этос иллюзионизма веры // Этика меняющегося мира: теория, практики, технологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Красноярск, 27 октября, 2016 г. / отв. ред. Викторук Е.Н.; ред. кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2016. С. 12–22.
5. Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1.
6. Селигмен, Адам. Проблема доверия / пер. с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболевой. М.: Идея-Пресс, 2002.
7. Тиллих П. Избранное: Теология культуры: пер. с англ. М.: Юрист, 1995.
8. Хомяков, А.С. Сочинения: в 2 т. М.: Медиум, 1994. Т. 2.

ЛИДЕРСТВО КАК ФАКТОР СОЦИОАНТРОПОГЕНЕЗА

Е.Н. Викторук, О.С. Ардюкова

Лидерство, лидерские качества, моральное лидерство, протолидерство, социальное лидерство.

В статье раскрывается один из подходов комплексного междисциплинарного исследования морального лидерства – эволюционный или витально-биологический. Рассматривается вклад генетики, биологии, физиологии, нейробиологии, этологии в изучение природы и сущности лидерства.

LEADERSHIP AS A FACTOR OF SOCIOANTHROPOLOGICAL

E.N. Viktoruk, O.S. Ardyukova

Leadership, leadership skills, moral leadership, protoleadership, social leadership.

In article one of approaches of a complex cross-disciplinary research of moral leadership – evolutionary or vital and biological reveals. The contribution of genetics, biology, physiology, a neurobiology, ethology to studying of the nature and essence of leadership is considered.

Социоантропогенез – тема социальной философии, в которой вопрос о сущности человека ставится как проблема соотношения природного и социального в его историческом и индивидуальном развитии. В решении этой проблемы выделяют две основные позиции: биологизаторскую и социологизаторскую. Чаще всего при анализе социоантропогенеза рассматривают такие феномены «подлинно человеческого» как любовь, свобода, ответственность, творчество, жизнь, смерть, и, конечно же, труд. Исследуя названные «атрибуты» человека, противопоставляют деятельность и поведение: деятельность – это осмысленное рефлексивное поведение, связанное с выбором и ответственностью; это характеристика человеческого, в отличие от биологического, связанного с поведением, обусловленным инстинктами.

В последнее время еще один фактор социального развития заслуживает основательного анализа с позиций биосоциальной детерминации. Это феномен лидерства, который вызывает все больше вопросов в связи с появлением новых теорий, уходящих от харизматического лидерства и теории «Великого человека» к новым – ситуативному, конституентному, трансформационному лидерству. Благодаря синтезу и дополнению этих подходов в рамках социально-психологического и управленческого лидерства появилось новое понятие – моральное лидерство. Моральное лидерство можно описать как труднопрогнозируемое и редкое событие, имеющее значительные последствия для развития человечества, проявляющееся в способности принимать решения высокой степени этичности в самых разных областях: бизнесе, политике, культуре, образовании, спорте, передовых областях науки. Моральный лидер – это личность, как правило, не наделенная официальной властью (административными функциями), делающая нестандартный выбор в условиях кризиса общества и, образно говоря, выводящая к благополучию, счастью (достойной жизни) определенную социальную группу. В образе такого социального лидера высокая личная порядочность и социальная ответственность, сочетается с социальным интеллектом, жизненной стойкостью. Нравственно-этическая составляющая спонтанно зарождающегося лидерства всегда становится ответом на острый социальный вызов и связана с моральным выбором. С одной стороны, моральное лидерство как проявление лидерства социального, связано с классическими для социальной философии темами (социальной детерминации и социального управления, власти, темой роли личности в истории в истории и т.д.), а с другой – это качественно иное явление, требующее междисциплинарных исследовательских подходов: разработок естественных и точ-

ных наук, теории и практики менеджмента, психологии, экономики.

Исследование морального лидерства требует обращения к поиску его «корней», и в этой статье мы обозначим основные эволюционно-биологические подходы к объяснению лидерства, и морального в том числе. Так называемый биологизаторский подход к пониманию природы морали достаточно подробно исследован [См.: 5, 6, 7, 8]. Способность лидировать и следовать за лидером изучается в биологии, нейробиологии, генетике. Так, одно из последних исследований генетической природы лидерства было проведено учеными Университетского колледжа Лондона – Яном Эммануэлем де Неве и его коллегами, которые в рамках широкомасштабного исследования в области генетики выявили генотип лидерства – rs4950. По мнению исследователей, именно выявленный генотип отвечает за развитие навыков лидерства и способности брать на себя ответственность [15]. Инстинкты лидерского поведения и следования за лидером как жизненно необходимые обоснованы в исследованиях социального интеллекта и исследованиях нейробиологов о зеркальных и веретенообразных нейронах и осцилляторах [18].

Научные основания для эволюционного обоснования природы лидерства были заложены более двух веков назад. Это исследования Ж.Б. Ламарка, утверждавшего в своей теории эволюции усложнение живых организмов в процессе исторического развития. Усложнение связано с непрерывным развитием животных, а также получением новых знаний и опыта, который впоследствии передается потомкам. В 1831 г. Т. Шванн разработал клеточную теорию, в которой доказал принципиальное единство живого мира. В 1859 г. увидел свет фундаментальный труд Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение

благоприятных рас в борьбе за жизнь», который наглядно иллюстрирует основные аспекты борьбы за существование.

С точки зрения эволюции и биологии природа лидерства определяется тремя константами – наследственность, доминантность, стремление к власти как базовая потребность (выживаемость). «Доминантность – это «настырность». Отношения в агрегациях социальных животных выясняются в ходе стычек, в результате которых и устанавливаются отношения доминирования-подчинения. Победа в стычках достается необязательно тому, кто сильнее. Она достается тому, кто активно агрессивен: любит навязывать конфликт, много и умело угрожает, а сам сравнительно легко выдерживает чужие угрозы и быстро оправляется после поражения ... Все остальные качества могут быть у доминанта любыми. Он может быть и сильным физически, и слабым; и злопамятным, и отходчивым; и сообразительным, и туповатым; и заботиться о возглавляемой им группе, и быть к ней равнодушным. Способность же выдерживать прессинг не всегда врожденная, зачастую она связана с удачными обстоятельствами» [14].

Начиная со знаменитой работы «Мораль и оружие в мире животных» К. Лоренц и другие этологи показали, что «животные имеют выработанные в ходе длительной эволюции врожденные (передаваемые с генами, инстинктивные) запреты совершать некоторые действия в отношении других особей. Среди них такие, как «не убивай в гневе», «не бей признавшего тебя сильнее себя», «не причиняй ущерба детенышам», «не покушайся на чужие территории, самок, собственность» и т. [15]. Запреты образуют естественную мораль животного. Набор запретов меняется от вида к виду, но многие из них сходны. У одних видов некоторые запреты (например, «не убей») столь сильны, что всегда успевают остановить особь. У других они слабее, и особь может им и не подчи-

ниться. Соответственно можно говорить о животных с сильной и слабой естественной моралью» [13; 14].

Представители биологического и социобиологического подходов подчеркивают значение понятия доминантности и его биологического содержания как превосходства посредством силы, размера с точки зрения физических величин, главенствующего положения лидера в группе от рождения имеющего особые анатомо-физиологические характеристики, предрасположенности. При этом отмечается, что в современных условиях одной лишь доминантности мало, чтобы лидировать: «необходимы особые психологические качества, знание психологии людей, теории и практики общения, нужна цель, которой можно увлечь» [1].

М.В. Вюгт и А. Ахуджа [9] утверждают, что качества «лидировать» и «быть ведомым» заложены в человеке на уровне рефлексивного поведения, поскольку этот фактор позволяет выживать. Свойство человека, живущего в группах – умение в доли секунды определять «лидера» для выполнения вновь возникшей социальной задачи – фиксируется психологами, этологами, но не имеет «научного» объяснения. Этот навык быстро «выбирать» лидера именуется специалистами «протолидерством». Первые исторические упоминания о «протолидерстве» относятся к периоду, насчитывающему более двух миллионов лет назад, когда доминантный примат проявлял лидерские качества в целях обеспечения перемещения группы и сохранения мирного жизненного уклада, где «всегда выделялась наиболее сильная, достаточно умная, упорная и решительная особь – вожак, руководящий стадом (стаей) в соответствии с его неписанными законами, продиктованными взаимоотношениями со средой и биологически запрограммированными» [17]. В табл. представлена хронология естественной истории эволюции феномена лидерства по результатам исследования этих ученых.

Естественная история эволюции феномена лидерства [9]

Отношения «лидер-ведомый»	Ситуационные или иерархические (приматы, не относящиеся к человеческому роду)	Основные на равенстве	Иерархические	Иерархические, основанные на участии
Лидер	Любой индивид или доминантный лидер (приматы, не относящиеся к человеческому роду)	Большой Человек	Вожди, короли, военачальники	Главы государств, управляющие директором
Структура лидерства	Ситуационная	Неформальная, основанная на навыках и умениях в определенной области	Централизованная, основанная на наследовании власти	Централизованное демократическое
Первичная проблема координации	Передвижение группы, сохранение мира (приматы, не относящиеся к человеческому роду)	Движение группы, сохранение мира	Отношения между группами	Сохранение мира, отношения между группами
Число индивидов	Любое	От нескольких десятков до сотен	Тысячи	От тысяч до миллионов
Временной период	> 2 млн. лет назад	От 2 млн. до 13 тыс. лет назад	От 13 тыс. до 250 лет назад	От 250 лет назад до наст. вр.
Общество	До появления человека	Группа, клан, племя	Племя, возглавляемое вождем	Нация, государство, крупный бизнес
Стадия	1	2	3	4

Можно далее продолжать перечисление биологизаторских, виталистических, натуралистических, эволюционистских подходов к истолкованию природы лидерства. Важно то, что, несмотря на уязвимость большинства этих подходов для научной критики, их популярность в практике психологии управления (то есть в сфере гуманитаристики) достаточно высока. К примеру, некоторые бизнес-тренеры в обучении эффективным управленческим практикам, опираются на модель организации, выстроенной по принципам биологической иерархии: лидерство – доминантность, предполагающее постоянную борьбу с субдоминантами и подонками [13; 14]. Законы управленческого взаимодействия анализируются как законы «стаи, в которой только хищники» [10]. Этология – наука о поведении животных – позволяет разработать инструментарий для управления людьми по бихевиористскому принципу «стимул – реакция», и в теории и практике менеджмента такие рекомендации активно изучаются и внедряются [23].

Такой кадровый менеджмент дает широкий простор для манипуляций и принятия неэтичных решений. Вот пример жесткой управленческой логики одного из лидеров отечественного бизнеса [16]. «Люди – это винтики в механизме. Каждый винтик выполняет свою функцию, свой бизнес-процесс. Если не выполняет – его нужно заменить. Мотивации не существует. Людям, чтобы они работали, нужны не деньги, а пинок. Людей мотивируют две вещи: на 30 % зарплата, а на 70 % – страх ее потерять. Как только человек узнает, что он может потерять зарплату, он начинает работать. Он должен постоянно знать, что за ним стоит еще десяток претендующих на его место. Безработица – лучший мотиватор».

Вопрос в том, насколько всерьез можно опираться на разработки био-виталистического, натуралистического

подходов к обоснованию социального лидерства и превращения его в технологию [19; 20; 21]. Но в то же время, такие стратегии «выживания», «выхода из кризиса» – это поиск лидерских оснований в нестандартных условиях: каков он – лидер для «трудных времен»? И. Адизес пишет о том, что в разные времена нужны лидеры с разным набором черт, следовательно, социальное лидерство также эволюционирует, проходит своего рода «естественный отбор», только это эволюция принципиально «недарвинистского» характера. Об отборе эффективных поведенческих систем в истории человечества пишет Ф.А. Хайек в работе «Пагубная самонадеянность: ошибки социализма». Ученый говорит о том, что наиболее важные «факторы» человеческой культуры – язык, право, мораль – являются продуктами эволюционного отбора, но это не «биологический» отбор. Эти «атрибуты» социального и человеческого находятся «между инстинктом и разумом». «Лидерами» истории оказываются сообщества, чьи традиции, правила поведения в локальных сферах могут быть очень разнообразными, но соблюдение перечисленных базовых постулатов признается первостепенным. В этом смысле, говорит ученый, «Не мы выбираем нормы морали, а они выбирают нас» [22].

Мораль как перечень минимальных универсальных социальных ценностей представлена Хайеком в качестве «эволюционного фильтра»: выживают и процветают, продолжают себя в истории только те социальные общности, которые соблюдают императивы: неприкосновенность жизни и ненарушение достоинства личности, неприкосновенность частной собственности и выполнение добровольно взятых на себя обязательств. Выживает (следовательно, лидирует в жизненной гонке) только то, что этично – это положение подтверждается и другими эволюционными теориями.

Перечисленные выше теории лидерства – эволюционные, биологические – вносят вклад в понимание сущности морального лидерства с позиций социоантропогенеза. Моральное лидерство рассматривается специалистами как одно из условий выживания человечества в техногенном мире с высоким уровнем экологической опасности, в обществе обостряющихся социальных, политических, экономических и культурных конфликтов.

Библиографический список

1. Ананченко М.Ю. Сущность и источники лидерства // Вестник Северного (Арктического) университета. 2005. № 1. С. 47–54.
2. Ардюкова О.С. Моральное лидерство: социально-управленческий аспект: сб. науч. тр. Международной научно-практической конференции «Педагогическое образование на стыке эпох: инновации и традиции в сфере образовательных технологий». Красноярск: Печ. по реш. Ученого совета Института социально-гуманитарных технологий, протокол № 8 от 20 апреля 2017 г. Красноярск, 2017. С. 91–93.
3. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в прикладную этику: монография. Тюмень: НИИ Прикладной этики ТюмГНГУ, 2006. 392 с.
4. Верновская И.К., Лебедев И.В. Шифры дресс-кода. Российская формула бизнес-этикета. СПб.: Вектор, 2007. 160 с.
5. Викторук Е.Н., Ардюкова О.С., Довыденко Л.В. Философия образования и науки. Кейс-метод в этическом образовании: учебное пособие. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. 2014. 100 с.
6. Викторук Е.Н., Минеев В.В., Гох А.Ф. Особенности преподавания биоэтики в педагогическом вузе // Медицинское и духовное наследие профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого (Святителя Луки). Красноярск: ФГБОУ ВО БГМУ Минздрава России.

7. Викторук Е.Н., Викторук Е.А., Ардюкова О.С. Философия как теория и практика морального лидерства. Этика меняющегося мира: теория, практика, технологии: сб. тр. Всероссийской науч.-пр.конф. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2017. С. 3–11.
8. Викторук Е.Н., Ардюкова О.С., Довыденко Л.В. Этика: лекции и материалы к семинарским и практическим занятиям: учебное пособие / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2014. 82 с.
9. Вюгт М., Ахуджа А. Избранные. Эволюционная психология лидерства; пер. с англ. Д. Строженко. М.: Карьера-пресс, 2012. 294 с.
10. Горчакова В., Тарасов С. Бизнес-персона: в стае только хищники (матерные размышления) // Управление персоналом. 2007. № 23. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/bux/57039>
11. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/darvin_proishozhdenie_vidov.pdf
12. Де Валь, Франс В.М. Истоки морали. В поисках человеческого у приматов; пер. с англ. Н. Лисова. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 376 с.
13. Дольник В.Р. Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев // Этология.ру. URL: <http://ethology.ru/library/?id=20>
14. Дольник В.Р. Кто сотворил творца? // Этология.ру. URL: <http://ethology.ru/library/?id=61>
15. Пашенко А. Ген вожака // Итоги. 2013. №5. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.itogi.ru/paradox/2013/5/186689.html>
16. Потапенко Д. Обучать сотрудников с привлечением бизнес-тренера пустая трата денег. [Электронный ресурс]. URL: <http://ekb.dk.ru/news/dmitriy-potapenko-obuchat-rabotnikov-s-privlecheniem-biznes-trenera-pustaya-trata-deneg-237090279>

17. Пугачев В.П., Соловьев А.П. Введение в политологию. М.: Актив Пресс, 2004. С. 142.
18. Рамачандран В. Мозг рассказывает. Что делает нас людьми; пер. с англ. Е. Чепель. М.: Карьера Пресс, 2014. 422 с.
19. Тарасов В. Искусство управленческой борьбы. Технологии перехвата и удержания управления. М.: Добрая книга, 2016. 432 с.
20. Тарасов В. Технология лидерства. М.: Добрая книга, 2017. 240 с.
21. Тарасов В. Управляй по Макиавелли. [Электронный ресурс]. URL: <http://dotbook.ru/Психология/18811/>
22. Хайек, Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма; пер. с нем. Е. Осипова. М.: Новости, 1992. 270 с.
23. Шепард Г. Как управлять проблемными сотрудниками. Пошаговый самоучитель по превращению трудных подчиненных в блестящих руководителей; пер. с англ. Е. Калинина. М.: Добрая книга, 2007. 272 с.

«НАРРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ» В ФИЛОСОФСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ С РАС

Д.В Юрков

Философское консультирование, нарратив, нарративная практика, этика, смысл, реальность, картина мира, сомнение, диалог, расстройство аутистического спектра.

В статье рассматриваются применимость философского консультирования в отношении родителей детей с расстройства аутистического спектра (РАС) с использованием метода «нарративных практик». Обозначены типичные «искажения» в картине мира родителей детей с РАС, имеющие выраженный морально-этический аспект. Автор классифицирует такого рода искажения как противоречия в восприятии реальности. Описаны формы и методы устранения выявленных противоречий посредством техники «радикального сомнения»: переосмысление и рационализация смыслообразующего конструкта, вызывающего у родителя фрустрацию.

"NARRATIVE PRACTICE" IN PHILOSOPHICAL COUNSELLING PARENTS OF CHILDREN WITH ASD

D. Yurkov

Philosophical consulting, narrative, narrative practice, ethical, moral view, meaning, reality, world view, doubt, dialogue, autism spectrum disorder.

The article discusses the applicability of philosophical consulting in relation to parents of children with disabilities using the method of «narrative practices». Marked with the typical «distortion» in the picture of the world parents of children with disabilities, having a pronounced moral and ethical dimension. Author classifies this kind of distortion as the contradictions in the perception of reality. The article describes forms and methods of elimination of the revealed contradictions through technology “radical doubt”: rethinking and rationalization of sensemaking ideas, calling the parent’s frustration.

За последние три года, согласно данным отдела специального образования Министерства образования Красноярского Края, отмечается рост численности детей с особенностями здоровья. Данные обстоятельства формируют зону социального риска, связанного с тем, что у многих родителей детей с расстройством аутистического спектра (РАС) формируется «негативная» картина мира, субъективно интерпретируемая как неблагоприятная по отношению к ним. Эта ситуация имеет ярко выраженный социально-психологический и морально-этический контекст, и часто связана со снижением самооценки родителя, неудовлетворенностью его качеством жизни. Основное «искажение» картины мира такого родителя выражается в расхождении (несовпадении, несоответствии) оценки реальной, «текущей», объективной ситуации вокруг родителя и ребенка, и тем, как родитель описывает ее вербально. Основной проблемой здесь, по данным ведущих экспертов-консультантов, является дискомфорт из-за фрустрации, обусловленной расхождением между «идеальной» моделью жизни и «реально текущей». Социально-акцентированная модель мира у ро-

дителей больных детей расходится в большей или меньшей степени с текущим процессом развития ребенка с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

Для решения этих проблем в 2016 году на базе Центра психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Эго» (г.Красноярск) началась работа с родителями детей с ментальными особенностями в режиме «нарративных практик». Значение языковой картины мира отмечается сегодня специалистами разных областей: лингвистика, семиотика, психология, философия. Ученые выявили особенность влияния языковых форм на мировоззрение (отношение человека к миру, к другим людям и самому себе) и, что особенно важно, на поведение человека. Такие языковые формы бытуют в виде нарративов¹. В психотерапевтической практике использование нарративного подхода описали Майкл Уайт [12] и Теодор Сарбина в работе «Нарратив как базовая метафора для психологии [10]» и Джером Брунер в работе «Жизнь как нарратив» [3]. Следует отметить вклад, сделанный Д. Сильверменом, сделавшим акцент не на интерпретации нарратива, а на способы и методы того, как люди объясняют события своей жизни (нарративное интервью) [11]. Для консультативной практики в теории нарратива важное значение имеет его деятельностный компонент. Нарратив актуализирует текст, определяясь последовательностью «текст-дискурс-нарратив», то есть тем общим для создающего текст и его интерпретатора, которое «строится» по ходу развертывания дискурса, образующего общий контекст посредством описания действующих лиц, объектов, обстоятельств, времени и поступков.

Наш опыт нарративного консультирования в Центре психолого-педагогической, медицинской и социальной по-

¹ Термин «нарратив» [лат. *narro* – языковой акт, т. е. вербальное изложение – в отличие от пред-ставления] – рассказывание историй, пересказ, несобственно-прямое говорение)

мощи «Эго» направлен на помощь родителям, имеющих детей с ментальными особенностями. Группы родителей (состав до 12 человек) собирались один раз в неделю. Продолжительность каждой встречи составляла два часа. Темы для обсуждения для каждой встречи задавались самими участниками. Наиболее частые из них: судьба; счастье (несчастье); выбор; жизненный сценарий; жизнь; ответственность; вина; «не такой» ребенок; страх, тревога. Модель философских консультаций с такой группой: для одного занятия – одна актуальная на данный момент тема, предполагающая терапевтический дискурс. Каждое занятие структурировано в соответствии с обозначенными задачами, определяемыми при формировании родителями запроса и с учетом обозначившихся на этапе интервью дефицитов, выражающихся в ограничении возможных вариантов решений проблемного сюжета, нехватки ресурса к изменению сложившейся ситуации, а также в преодолении иррациональных интерпретаций реального (очевидного). Значительную, но не основную часть занятия представляет раунд «личных историй» (рассказ одного из участников о переживаемой ситуации, о принятых им решениях). Раунд личных историй, рефлексировается, и обсуждается всеми участниками, без вынесения суждений в адрес участников.

Ведущий использует различные методы, важнейший из которых – метод глубинного интервью, делающий ставку на вопросы, относящиеся к базовым представлениям об устройстве мира вокруг и о способах его интерпретации. В такой работе постановка «правильных» вопросов реализуется как способ мышления, позволяющий увидеть свою жизненную ситуацию в ином контексте, изменить подход к ней, стратегию поведения и принимаемые решения на более «адекватные» данной ситуации. Позиция нарративного консультанта помогает работать с «механикой мысли» и понять, что дви-

жет родителем в принятии «решения про себя, и мир вокруг». Разнообразие вариации «текстов» из схожей контекстуальной ситуации позволяет выбирать более разнообразные стратегии действия в казалось бы безвыходных ситуациях.

Методики такого рода философского консультирования уже хорошо известного за рубежом [2, 7], а в нашей стране они лишь недавно стали предметом изучения и внедрения в психиатрическую и психотерапевтическую практику. Важно подчеркнуть, что эффективное использование философского консультирования предполагает глубокую рефлексию над философскими основаниями современной концепции медицины [9] и существенное изменение мировоззренческих и методологических установок, характерных для врачебной практики [5]. Практика нарративного консультирования, позволяет не только проводить позитивный рефлексивный анализ жизненных сценариев (текстов), но и в значительной мере оптимизировать ресурс личной эффективности родителя как «адекватного взрослого». Для формирования «адекватной» картины мира, позволяющей человеку принимать верные решения, важным становится понятие «радикального сомнения». Техника «радикального сомнения», восходящая к трудам Р. Декарта и актуализируемая современными философами [8], используется как база «нарративной практики» в условиях диалога между консультантом и родителем. Принцип сомнения позволяет анализировать переживаемые состояния в модусах «представляемая реальность», «очевидность», «действительность».

Задача интервьюера не сводится лишь к тому, чтобы внести сомнение в очевидности и истинности участников группы. Сомнение у Декарта в конечном счете упирается в независимый феномен воли, ничем другим не заменимый невербальный случай жизнепроявления. И это ничем заметить нельзя. Оно должно само быть. И это Декарт называет

очевидностью [6]. Динамика картины мира родителей, участвующих в группах нарративного консультирования достаточно хорошо прослеживается. При этом изменение взгляда родителя на реальность происходит в ходе осмысления критических вопросов, методика которых опирается на майевтику – сократовский диалог. Техника диалога помогает, родителю пересмотреть основные подходы как к обучению ребенка с РАС, так и внести изменения в свою родительскую практику, увеличивая варианты выборов в ситуациях, которые до начала диалога классифицировались как «не решаемые, безвыходные» [13].

Для раскрытия сущности нарративных практик в консультировании родителей детей с РАС важно учитывать, что основной вклад в восприятие и мышление вносит индивидуальная модель мира – сложившаяся система представлений о реальности. При этом восприятие родителем внешнего мира субъективно, а следовательно, односторонне, неполно и требует корректировки, которую и обеспечивают нарративные практики. Зачастую отражение социального мира (систем с участием человека) сводится родителями детей с РАС к интерпретациям в рамках их личной картины мира и привычных аргументативных практик, отличающихся большим количеством логических ошибок. И в данном случае очень важно знакомить родителей с неклассическими моделями аргументации [4].

Использование нарративных практик в работе с родителями болеющих детей и детей с РАС позволяет снизить количество «аргументационных ошибок», обнаружить логические ошибки, осуществить самоидентификацию консультируемого, определить проблемные места, сдвинуть «рамочные» тексты и расширить диапазон действий и выборов, наконец, переосмыслить собственную жизнь как задачу, а ее проживание – как авторское действие.

Библиографический список:

1. Борисов С.В. Философия понимания и партнерства философия понимания и партнерства: заметки о XIV Международной конференции по философской практике (4–8 августа 2016 г., Берн, Швейцария).
2. Бренифье Оскар, Деспре Жак. Главная книга противоречий. Все о жизни человека. М.: Клевер-Медиа-Групп, 2011.
3. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Знание, 1977. 189 с.
4. Викторук Е.Н. Неклассические модели этической аргументации: монография / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Сибирский государственный технологический университет. СПб., 2003. 188 с.
5. Викторук Е.Н., Минеев В.В. Реализация методологического потенциала философии Мишеля Фуко в практике врача, педагога и психолога // Сибирский вестник специального образования. 2016. № 1–2 (16–17). С. 40–46.
6. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках и другие философские работы: пер. с лат., М.: Академический проект, 2011. 335 с.
7. Лахав Р. Философская практика – quo vadis? // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С. 7–14.
8. Мамардашвили М.К. К пространственно-временной феноменологии событий знания // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 23–24.
9. Минеев В.В. Феноменология как стратегия сопротивления медиализаторским установкам // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2017. Т. 6, № 3. С. 54–60.
10. Сабрин Т. Психология рассказа: легендарная природа человеческого поведения. М.: Мысль, 1986. 235 с.
11. Сильвермен Д. Философские науки. М.: Высшая школа, 1985. 187 с.
12. Уайт М. Карты нарративной практики: Введение в нарративную терапию: пер. с англ. М.: Генезис, 2010. 326 с.

13. Юрков Д.В. Проблема исследования социального сознания суицидентов как целостной структуры социальных представлений // Этика меняющегося мира: теория, практика, технологии. Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2016. С. 103–113.
14. A. Gerd. Philosophy, Philosophical Practice and Psychotherapy. 1995.
15. Marinoff, Lou, Plato not Prozac. Harper Collins. NY, 1999.

ЭТИКА ЖИЗНИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Т.В. Тайгунова

Жизнь, этика, категории, добро, зло, справедливость, прогресс, информационное общество, достоинство.

Данная статья посвящена восприятию человеком жизни в этическом контексте в современном меняющемся мире. Успевает ли современный человек оценивать жизнь и своё поведение? Помнит ли он о том, что такое добро, справедливость и долг и не путает ли эти понятия с противоположными им? Как изменил технический прогресс восприятие фундаментальных этических категорий, на котором строится жизнь и мировоззрение современного человека? Автор статьи отвечает на эти и многие другие вопросы, чрезвычайно актуальные в условиях современности.

ETHICS OF LIFE IN THE CHANGING WORLD

T. V. Taygunova

Life, ethics, categories, good, evil, justice, progress, information society, dignity.

This article is devoted to the person's perception of life in the ethical context in the modern changing world. Does a modern person manage to assess life and his own behavior? Does he remember what kindness, justice and duty are? And does he not confuse these concepts with their opposites? How has the technical progress changed the perception of the fundamental ethical categories on which the life and worldview of modern man is built? The author of this article answers these and many other questions, extremely urgent in the conditions of the present.

Современный мир изменяется с неуклонной быстротой. Для осмысления своего бытия, человеку необходимо прикладывать усилия, искусственно замедляя жизненный

темп, оглядываясь на то, как и зачем он существует. Такого рода осмысление удастся не всем. Наше время – эпоха фантастически быстро сменяющихся друг друга «видений» жизни, которые зачастую противоречивы и взаимоисключающи. Сегодня господствует разум, но при этом происходит уничтожение «человеческого в человеке». Эти парадоксы просматриваются в каждом пласте жизни современного человека и, учитывая стремительное развитие мира, тенденции к их прекращению не наблюдается. А. Швейцер в начале XX века, писал: «Прогресс науки принуждает нас отказаться от надежды познать смысл происходящего» [9]. Какова же этика жизни в современном мире?

В наше время значительно стираются территориальные и национальные границы. Плодом глобализации стал, например, Европейский союз (ЕС). Ещё полвека назад было сложно представить возможность свободного перемещения практически по всей Европе с «прозрачными» границами. Это не могло не сказаться на миграциях населения, происходящих по всему миру. «В глобальном обществе каждый человек становится главной целью существования какой-либо общественной группы, социума, государства, мира, определяется нравственная ценность человека. Каждая этическая система, прежде всего, обусловлена общественно-историческим развитием. Современные условия совместного проживания людей таковы, что требуется поиск универсальных, наднациональных ценностей» [4].

Темпоритм жизни современного человека чрезвычайно быстр. Типичным состоянием современного городского обывателя является неспособность и невозможность зафиксировать в течение дня момент полной свободы и расслабления. Согласно психологическим опросам, большинство активных молодых людей имеет время на личные размышления только по дороге на работу и обратно. В сельской среде, безусловно, дело обстоит иначе. Там к жизни

относятся неторопливо, основательно, и время находится как на усердную работу, так и досуг, личные размышления и творчество. Именно этим обусловлена тенденция среди жителей больших городов покупать недвижимость за пределами города и переезжать туда, чтобы добровольно выпасть из городского ритма жизни. В наш век стало модно организовывать «эко-поселения». В них переезжают состоятельные люди, уставшие от городской суеты, целыми семьями, там создаётся некое замкнутое сообщество: дети ходят в местные школы, где преподают их же родители; многие переходят на натуральное хозяйство и экологически чистые продукты; регулярно проводятся праздники, посвященные поселению. В XXI веке, люди, сполна познавшие, что такое жизнь в мегаполисе и технический прогресс, сознательно выбирают для себя иную модель жизни. В эпоху стремительного технического прогресса человеку не только трудно постоянно изменяться, идя в ногу со временем, но и сохранять себя, самобытность, ценности, передаваемые из поколения в поколение. Важнейшая этическая категория ответственности за собственное существование реализуется человеком в свободном выборе подходящей ему модели жизни.

В связи с глобализацией, тотальным смешением культур, ценностей и расширением возможностей выбора по любому жизненному направлению, рамки понимания что хорошо, а что плохо, в сознании современного человека зачастую размыты. Между тем, добро и зло – это две фундаментальные этические категории, определяющие для жизни каждого из нас, но в век высокого соперничества приходит понимание того, что «степень морально-этического развития становится явным критерием конкурентоспособности, эффективности и жизнеспособности ... во всех социальных подсистемах: экономике, политике, науке, духовной сфере» [3, с. 187]. Мораль присутствует во всех сферах дея-

тельности человека, нет ни одного человеческого поступка, который нельзя было бы оценить с ее точки зрения. Не имея собственного социального института, она опирается на другие социальные институты, такие, как церковь, суд, полиция и т. д. Сегодня много говорится о тотальной бездуховности общества, о практически его моральном вырождении. Однако же все это не более, чем длительный, всеобъемлющий процесс «обновления нормативно-ценностной системы» цивилизации [3, с. 188]. Хотя нельзя отрицать тот факт, что ввиду не только политических, но и сексуальных революций, прошедших по миру, тезис «всё дозволено», приобрёл фантастическую популярность. Если человек сам не ограничивает себя какими-то рамками, например, религиозными, он действительно может позволить себе всё, что захочет, но есть и другие «ограничители», такие, как мораль.

Любой человек не свободен от общества, поэтому он должен действовать так, чтобы не подрывать его основ и не навязывать никому собственные представления о жизни. В век демонстратива множество людей стремятся показать себя свободным, независимым не только от общества и его мнения, но и от «гнёта» незыблемых ценностей, таких, как нравственность, скромность, достоинство, уважение ближнего, считая их пережитками. Для этой категории людей жизнь видится калейдоскопом ярких картинок. Им нужно, чтобы их о них говорили, оценивали, считали успешными, для них важно привлекать к себе внимание и вызывать общественный резонанс любым путем – провокационное и аморальное поведение зачастую являются инструментами в достижении цели. Поэтому Интернет, изначально задуманный как кладёшь информации, во многом стал главным демонстратором человеческих пороков.

В продолжение темы нельзя не упомянуть об одной из главных человеческих ценностей и том фундаментальном праве, которое испокон веков почиталось каждым из лю-

дей – праве на приватность. Под приватностью понимается сфера деятельности, интересов, привязанностей и эмоциональных проявлений отдельного человека, совершенно обособленная от других общественных сфер. Это не изолированность, но автономность человека в определенных сферах жизни, где сосредоточены его отношения с другими людьми (любовные, семейные, дружеские), где развиваются его интересы, способности и располагается его личная собственность – как материальная, так и интеллектуальная. Именно в приватной сфере конкретизированы основные человеческие права – на жизнь, свободу воли, благополучие, продолжение рода и прочее. Это самоорганизующееся и самоуправляющееся социальное пространство, где хозяином является один человек, и куда он может по своему желанию допускать особо близких ему людей. Ярким борцом за сохранение этого права выступил Герхарт Баум – автор полемических заметок «Спасти права граждан». Он создал исследование о том, насколько право на приватность поправно сегодняшними реалиями и утверждал, что ввиду мировой террористической угрозы каждого свободного гражданина стараются автоматически превратить в подозрительную личность, чего ни в коем случае нельзя допускать. Да, государство в рамках закона имеет право обеспечивать безопасность граждан, но, считает Баум, не путем нивелирования других прав. В наше время повсюду ведутся разговоры о международном терроризме, но какое отношение миллионы граждан, которых читают и прослушивают, могут к нему иметь? «Нет даже четкой дефиниции «международного терроризма» – центрального понятия закона, что делает сферу его применения практически безграничной. Ведь «международной» может считаться любая организация, действующая в Германии и связанная с распространенными в мире идеологическими течениями. Получается, что любое дело можно подвести под юрисдикцию Закона о федеральном ве-

домстве уголовной полиции» [1, с. 64]. Баум предлагает задуматься также о том, что для того, чтобы не стать потенциальным подозреваемым, гражданин, в конечном итоге, вынужден будет контролировать любую информацию, которую о нем можно узнать, и если в сети Интернет это более или менее возможно (например, удалить аккаунт в соцсети или тщательно «фильтровать» его контент), то в реальной жизни это невозможно как минимум потому, что человек живет в обществе и окружен другими людьми, воспринимающими его со своей точки зрения. «Человек, не знающий, какая информация о нем и его образе действий собирается и сохраняется, и не имеющий возможности на это повлиять, из осмотрительности станет следить за своим поведением, а это наносит ущерб не только индивидуальной свободе действий» [1, с. 69]. Баум считал приватность сверхпотребностью человека, «которую следовало бы защищать даже в том случае, если бы подавляющее большинство от нее отказалось» [1, с. 73]. Создается ощущение, что лозунгом информационной эпохи является публичность – абсолютный антипод приватности. Соцсети поглотили миллиарды людей, которые каждый день, как по совету Facebook, отвечают на вопрос «Что у Вас нового?» и делятся мыслями, фотографиями (порой личного характера), музыкой, просмотренными фильмами, не задумываясь, что, тем самым, они добровольно каждый день выгружают в Сеть километры информации, которая оттуда никуда и никогда не исчезнет. Зачастую современные люди, услышав о вмешательстве государства в наблюдение за переписками, разговорами и онлайн-активностью, часто бравируют фразой «Мне нечего скрывать!». Эта фраза – один из показателей личностной деградации общества. Любому человеку, независимо от его пола, возраста и социального статуса, необходимо то, что он будет хранить только для себя и близкого круга людей. Когда «особо близкими» становятся все, кто име-

ет доступ к Интернету, есть повод задуматься. Найти место приватности в системе этических ценностей современного человека сложно.

Сегодня, говоря о этике, мы не можем не затронуть биоэтику, появившуюся, как исследовательское направление междисциплинарного характера в конце 60-х – начале 70-х годов XX века. Её появление и развитие связано с тем, что произошло изменение этики в целом, биологической и медицинской этики в частности. Этот процесс был обусловлен во-первых, изобретением новых медицинских технологий, появление которые породило множество проблем, требующих решения с юридической точки зрения, религиозных убеждений, морали; а во-вторых, новым взглядом на права человека. Все эти грандиозные изменения породили массу вопросов у врачей, медицинского персонала, родственников пациента. Допустима ли эвтаназия? С какого срока зародыш является человеком? Где заканчиваются рамки возможности врачебного вмешательства? Когда врач перечисляет пресловутые принципы биоэтики: уважение достоинства личности, благодеяние, автономия, справедливость, – то не задумывается об их источнике, и, соответственно, о границах применимости [7, с. 200]. На наш взгляд, биоэтика сегодня – это не только область знаний, но и формирующийся социальный институт. Биомедицинское знание и практика неотделимы от этического знания, которое в русской и европейской культуре неотделимо от христианских традиций. Нельзя пренебрегать триадой – этика – религия – медицина, понимая, что связь научности и нравственности – одно из необходимых условий благополучного существования человечества, его выживания [8, с.30].

Этика жизни современного мира, запутана и противоречива. Сегодня, этические категории (добро/зло, справедливость, долг, достоинство и т. д.) в меняющемся, неустойчивом мире не всегда имеют четкой дефиниции и поэтому

воспринимаются искаженно. В результате этого зачастую так же воспринимается и сама жизнь – зыбко, неустойчиво, неуверенно, превратно. Неоспоримо одно, что этика во все времена включает два аспекта – социальный и индивидуальный. При наличии нормативных систем, присущих каждой эпохе, всегда есть личный моральный выбор каждого человека в отдельности.

Библиографический список

1. Баум Г. Спасти права граждан: Свобода или безопасность. Полемиические заметки. М: Сектор, 2015. 137 с.
2. Видоевич З. Глобализация, хаотизация и конфликты в современном мире // Социс. 2005. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/socis_2005_4.html?printmode (дата обращения 11.10.2017).
3. Викторук Е.Н, Викторук Е.А. Этика и мораль глобального мира: пути к человеку воспитанному // Культура и этика меняющегося мира. Красноярск, 2009. Вып. № 6. С. 290. (Библиотека актуальной философии).
4. Воропаева Ю.П. К вопросу об этике человеческого достоинства в условиях современного изменяющегося мира: [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/etika-chelovecheskogo-dostoinstva-v-usloviyah-globalizatsii> (дата обращения: 01.10.2017).
5. Евстифеева Е.А., Майкова Э.Ю., Козлов А.Г. Приватность в эпоху вовлеченности // Власть. 2016. № 1. С. 36–40.
6. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Лоренц Конрад. Обратная сторона зеркала. М., 1998. 635 с.
7. Минеев В.В. Социальные аспекты смерти. М.: Директ-Медиа, 2014. 473 с.
8. Минеев В.В., Нефедов В.П. Человек и его смерть. Красноярск: Изд-во института биофизики, 1990. 50 с.
9. Швейцер А. Проблема этики в ходе развития человеческой мысли: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.marsexx.ru/tolstoy/schweitzer-izbran.html> (дата обращения: 01.10.2017).

ОБЩИЕ АСПЕКТЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Г.С. Ульянов

Толерантность, личность, индивидуальность, самосознание.

В настоящее время востребованность научных исследований, посвященных исследованию феномена «толерантность», представляется самоочевидной. На сегодняшний день термин «толерантность» активно применяется в различных отраслях социогуманитарного знания. Идея толерантного людей разных и вероисповеданий в одном не является новой. Но, именно сегодня, многие традиционные утрачены, толерантности учить людей, того, чтобы она в привычку, стала человека. Вместе с тем, толерантность не должна сводиться к конформизму, ущемлению интересов. В первую она предполагает взаимность и позицию всех вовлеченных сторон.

GENERAL ASPECTS OF TOLERANCE

G.S. Ulyanov

Tolerance, personality, individuality, self-awareness.

Currently demand for scientific research, dedicated to research the phenomenon of “tolerance” seems self-evident. Today the term “tolerance” actively applied in various sectors social and humanitarian knowledge. The idea of a tolerant coexistence of people different nationalities and religions in one state is not new. But, just today, when many traditional values lost, tolerance It is necessary to teach people, achieving that, so that it became a habit, has become human nature. At the same time, tolerance should not reduced to indifference, conformism, infringement of one’s own interests. Firstly, it involves reciprocity and active position all stakeholders.

В настоящее время, в век постиндустриального общества, в условиях единого экономического пространства, мобильности и социальной трансформации внимание исследователей обращено к понятию «толерантность» в виду того, что отмеченные процессы способствуют интеграции и взаимозависимости социальных структур. Происходящие изменения стали условием необходимости выведения мышления подрастающего поколения человечества на новый уровень.

А.С. Кочарян, В.Э. Савенок, Д. Хадсон и др. отмечают, что в нынешних условиях сознание должно способствовать

формированию у каждой личности таких качеств, как способность понимания, толерантность, доброжелательность по отношению ко всем людям в мире.

Востребованность научных исследований, посвященных толерантности, представляется самоочевидной. Нетерпимость к ко всему непохожему, к людям, пользующимся другим языком, исповедующим другую религию и придерживающимся другой систему ценностей, столетиями накапливающаяся сегодня вырвалась наружу. Крайне важно, чтобы люди, общины, нации признавали и уважали культуру друг друга. День толерантности после провозглашения в 1995 г. «Года Толерантности» празднуется ежегодно 16 ноября.

На сегодняшний день термин «толерантность» активно применяется в различных отраслях социогуманитарного знания. Сегодня под толерантностью понимается способность личности, сообщества, государства слышать и уважать мнение других, невраждебно встречать отличное от своего мнение. «Толерантность – это то, что делает возможным достижение мира и ведет от культуры войны к культуре мира», – говорится в Декларации принципов толерантности, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО в 1995 г.

Идея толерантного людей разных и вероисповеданий в одном не является новой. В истории она была и провозглашена Организацией Наций как главный стабильности человеческой представленный в Декларации толерантности от 16 ноября года. В этой примечательно, что данная провозгласила 16 ноября Международным днём, толерантности. Именно мы при рассмотрении сущности толерантности, прежде опираемся на международное Декларацией понятий и противоположное ему интолерантности.

Из следует, что «толерантность уважение, принятие и понимание богатого культур реального его форм самовыражения и проявления человеческой Проявление толерантности не терпимого отношения к несправедливости, отка-

за от убеждений или уступки Толерантность означает, что свободен, придерживается убеждений и признает же право за другими; признание того, что по своей природе по внешнему виду, речи, поведению и обладают правом в мире и сохранять индивидуальность и не могут взгляды одного другим.

С другой под интолерантностью понимается другого человека, к сосуществованию с другими людьми; интолерантность через деструктивное, агрессивное поведение» [4].

Стоит отметить, что на сегодняшний имеется большое толкований понятия. Это объясняется тем, что в культуре существует определение толерантности, во многом схоже, имеет некоторые черты. Вот некоторые из толерантности в краткой энциклопедии. Это слово происхождения «tolerantia» – терпимость иного взглядам, нравам,

Толерантность – это активная позиция и психологическая к терпимости во имя позитивного между этносами, группами, с людьми культуры, национальности, или социальной среды. необходима по отношению к различным народам, и религий. Она является уверенности в себе и надёжности своих позиций. В новом толерантность можно как способ выживания условие формирования отношений в обществе.

В аспекте философское вопросов толерантности отражение в трудах и Сенеки, а позднее – Дж. Ф. Вольтера и других. В годы вопросы приобретают важное значение в подготовке поколения к вхождению в социум с его социально-экономическими требующими установления человеческих отношений и взаимопонимания между деятельности.

Сегодня, многие традиционные утрачены, толерантности учить людей, того, чтобы она в привычку, стала человека. Понятие по своему содержанию сложный, междисциплинарный так как в научной литературе эта рассматривается и с философского Бердяев, А.И. и др.), биологический (В.Н. Мясищев), (А.А. Гусейнов и этнического (Е.М. , К.Б. Жарикбаев .), социологического (М.С. и др.), психологиче-

ского Асмолов и др.) и (Ш.А. Амонашвили, Подобед и др.) Вместе с тем здесь отметить, что ученых, на изучение каждым специального исследования, в объединяет общая толерантности, связанная с в отношениях людей уважения, доброжелательности, интереса к другой признания её равенства, от доминирования насилия, многообразия человеческой норм, верований и от сведения этого к единению или к преобладанию одной точки

Исходя из вышесказанного заключить, что по сферам толерантность различают по направлениям:

- политическая – терпимость к людям политических взглядов, к иным политическим признания права на направления;

- научная – терпимость к другим зрения в науке, разных теорий и школ;

- педагогическая – терпимость к собственным учащимся, умение и простить их несовершенства;

- толерантность – умение без нажима и агрессии.

Следует, что толерантность готовность человека других такими, они есть, и взаимодействовать с на основе согласия. не должна сводиться к конформизму, ущемлению интересов. В первую она предполагает взаимность и позицию всех ванных сторон.

Является важным жизненной позиции личности, имеющей ценности и интересы, если потребуется, их но с уважением относиться к и ценностям других В этом плане из факторов формирования является приобретение социально значимых и правил поведения. Они в ходе исторического человека и способствуют его и равномерному прогрессу. Во мире существует система ценностей, в большинстве стран на уровне, в нее включены нормы как презумпция человека, терпимость к и ошибкам других ценность согласия и разрешения конфликтов, нормам права, сопереживание, сочувствие, человеческой жизни и физических страданий.

Фактором формирования личности считают человека к самосознанию, его кругозора, формирование позиции. Эти качества представления человека о себе, делают их позитивными и адекватными. же можно отнести и более высокого самооценки у человека.

Как С.Д. Щеколдина: «В понимании личностью действительности объектом понимания становится его внутренний мир. Это интерес к себе и жизни, качествам личности, потребности себя с другими. личности способствует реальному представлению о и окружающих» [6, с. 57]. Как что только человек с уровнем толерантности обладать характерным поведения, которое созданию продуктивных между людьми и конфликтов. Одновременно приобретает позитивное к жизни, что увеличивают его и общий жизненный Поэтому признаком личности следует умение человека из конфликтных ситуаций переговоров.

Основой, толерантности в самом понимании является уровень личности, содержит в себе аспекты бытия (цивилизационная, этническая, формы). Для этого формирование таких как признание человеком Принятие, понимание человекам другого, что успешному решению воспитания толерантности у поколения.

Библиографический список

1. Асмолов А.Г. Толерантность: от утопии к реальности. М.: Смысл, 2012.
2. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 2014.
3. Бондырева С.К., Колесов Д. В. Толерантность (введение в проблему). М., 2013.
4. Декларация принципов толерантности // Век толерантности: научно-публицистический вестник. М.: Изд-во МГУ, 2001.
5. Коган М.С. Мир общения: проблемы международных отношений. М., 2015.
6. Щеколдина С.Д. Тренинг толерантности. М., 2014.

ФИЛОСОФСКИЕ МЕТАФОРЫ В ПРАВСТВЕННОЙ ПОЗИЦИИ ЛИЧНОСТИ

В.А. Фильчакова

Мировоззрение, метафора, нравственная позиция, жизненные ценности, личность.

Обосновывается тезис о том, что ключевые метафоры, описывающие, с точки зрения человека, мир, в котором он живет и действует, представляют его нравственную позицию в целом. Рассматриваются метафоры «мир – поле битвы», «мир – театр», «мир – рынок», «мир – игра», «мир – мегамашина», «мир – живой организм» и др.

PHILOSOPHICAL METAPHORS IN THE MORAL POSITION OF THE PERSON

V. A. Philchakova

World view, metaphor, moral position, life values, personality.

The thesis is substantiated that the key metaphors describing, from the person's point of view, the world in which the one lives and acts represent one's moral position in general. Metaphors «the world is a battlefield», «the world is a theater», «the world is a market», «the world is a game», «the world is a megamachine», «the world is a living organism», etc. are considered.

Метафора – это языковое действие, в котором для передачи основного содержания некоторой идеи используется другая, сходная с ней, но иносказательная идея. Как отмечает Е. О. Акишина, «Название метафоры происходит от греческого слова μεταφέρω – переношу, и гносеологическая сущность ее, в первом приближении, состоит именно в акте смыслового переноса, в установлении непосредственной связи между внешне отдаленными понятиями в целях обогащения (расширения, уточнения, ассоциативного оформления) смыслового поля ключевого понятия через подключение к нему системы смыслов другого понятия» [1, с. 14].

Метафоры часто используются для выражения философских идей, потому что философия обычно имеет дело

с такими объектами, которые недоступны непосредственному восприятию и представлению (космос, Бог, человеческая душа). Философские метафоры имеют различные уровни общности. В самых простых случаях метафоры служат для описания какой-то характеристики объекта и / или выражают его оценку в некотором отношении (человек как мост между животным и сверхчеловеком у Ф. Ницше). Более сложные, развернутые метафоры создают функциональный образ объекта, который может быть интерпретирован применительно к различным ситуациям (метафоры крылатой души и души-колесницы у Платона, позволяющие описать, как душа странствует в мире эйдосов, попадает на Землю, чувствует себя, начиная чему-то учиться или влюбляясь, как в ней борются различные варианты действий в процессе принятия решения, и т.д.). Самые глобальные философские метафоры – это модели мира в целом (космос как живой огонь, мерами разгорающийся и мерами потухающий, у Гераклита).

Метафора мира в целом представляет собой смысловую ось мировоззрения, вокруг которой выстраивается решение основных мировоззренческих вопросов. Глобальные метафорические образы мира отличают друг от друга мировоззрение различных культур или исторических эпох (например, можно отметить в этой связи утверждение механической модели мира, сформировавшееся как философию, так и науку Нового времени). Точно так же мировоззрение отдельного человека может принимать вид глобальной метафоры, посредством которой он описывает устройство жизни, природный и социальный мир. Вариантов такого мироописания не так уж много. А. Г. Максапетян выделяет около двадцати таких моделей: мир как поле битвы, мир как брачное ложе, мир как семья, мир как государство, мир как производственная организация, мир как механизм,

мир как организм, мир как дерево, мир как поле сева и жатвы, мир как пастбище, мир как добыча, мир как путь, мир как застолье, мир как игровой стол, мир как рынок, мир как театр и т.д. [2]. Он подчеркивает языковой аспект выбора модели: человек обычно не формулирует саму ключевую метафору непосредственно, но выбирает для описания мира и происходящих событий соответствующие слова и выражения, позволяющие судить, как он все это воспринимает. Например, человек, для которого мир – поле битвы, будет говорить о своих и врагах, о себе как победителе или побежденном; человек с ключевой метафорой мира – тюрьмы бессознательно прибегнет к терминологии глухих стен, замкнутого круга, и т.п.

Ключевая философская метафора определяет, как человек видит мир. Можно утверждать, что и нравственная позиция человека в его отношениях к окружающим людям и обществу во многом определяется ключевой метафорой, к которой он пришел в формировании своего общего представления о мире. Соответственно выбор языковых выражений позволяет судить о системе ценностей человека. Наиболее этически окрашенными представляются следующие метафорические образы мира.

«Мир как поле битвы» – это конкурентная модель мироотношения. Человек, принимающий ее, прежде всего делит окружающих на круг «своих» и внешнее окружение, которое рассматривается как потенциально враждебное. Соответственно его система нравственных ценностей неизбежно релятивна: своих этот человек защищает всеми доступными способами, по отношению к ним он демонстрирует преданность и высокий уровень нравственности; на чужих его этика не распространяется или распространяется ограниченно. Человек стремится во всех ситуациях побеждать в жизненной борьбе, настроен на силовые ре-

шения и считает нормальным приносить себя и других людей в жертву намеченным целям.

«Мир как театр» – метафора, которую выбирают личности демонстративного типа. Такие люди постоянно играют ту или иную роль, как на сцене, могут произносить определенные слова или даже совершать поступки, не обусловленные действительной их жизненной позицией, просто в расчете на эффект, который произведут эти действия на окружающих. Искренность не является для них жизненной ценностью, они полагают, что если они сами непрерывно актерствуют, то все вокруг делают то же самое. Можно сказать, что этические решения в этом случае принимаются по эстетическим мотивам: человек выбирает не обязательно то, что будет правильно, он может выбрать и то, что будет выглядеть более драматично.

«Мир как рынок» – очень популярная в наши дни метафора. Человек, для которого она является ключевой, считает, что все на свете продается и покупается, все является товаром и имеет свою цену. Соответственно его этика стремится к утилитаризму, причем в прямолинейном варианте: события и людей вокруг он оценивает с точки зрения того, что они могут дать. Даже хорошие поступки этот человек совершает с определенным расчетом (например, помогает другу, но при этом ожидает, что друг, в свою очередь, должен будет оказать ему услугу), так что его выбор может оказаться нравственным лишь внешне.

«Мир как игровой стол» – метафора, в рамках которой человек воспринимает жизнь как игру. Как в случае «поля битвы», в этой метафоре есть агональный аспект, и как в «мире – рынке», человек стремится к результату. Но и то, и другое для «человека играющего» происходит как бы не совсем всерьез. Пространство игры – это условная реальность, в которой проигравший не может потерять

все – ведь завтра игра начнется сначала. Й. Хейзинга, рассматривавший всю культуру как совокупность различных игр, считал, что поскольку игра требует соблюдения правил, именно она является основанием рыцарского отношения друг к другу и в конечном счете – человечности [3]. С этой точки зрения игра порождает этику, она имманентно нравственна. Но можно возразить: человек, для которого другие люди – это фигуры в жизненной игре, может, конечно, ими дорожить и обращаться с ними по правилам, но сами правила для него не имеют абсолютных оснований, они в конечном счете всего лишь условность.

Метафоры «мир как мегамашина» и «мир как организм» обнаруживают свою этическую размерность в сравнении. Первая из них является основой технократического мышления: человек убежден, что во всех случаях существует «кнопка», понятное точечное воздействие, которое приведет к нужному результату, необходимо лишь его найти. В отношениях с людьми такой человек легко может оказаться манипулятором. Восприятие мира как организма формирует принцип «благоговения перед жизнью», стремление не мешать естественному развитию событий, бережное и уважительное отношение к окружающим, которые представляются человеку самодостаточными и независимыми «линиями развития», экологическое сознание. Можно предположить, что для гуманистической этики это одна из лучших мировоззренческих моделей. С другой стороны, она изначально мифологизирована и легко может приобрести мистический характер, либо при столкновении с реальностью будет отвергнута человеком как архаичная.

Таким образом, любая из перечисленных «моделей мира» имеет как сильные стороны, так и спорные моменты. Отношения между людьми выстраиваются во взаимодействии принимаемых ими моделей мира, и социальный

мир оказывается переплетением самых разнообразных полей деятельности.

Библиографический список

1. Акишина Е.О. Метафора как инструмент социальной коммуникации // Социально-экономические коммуникации в современном российском обществе: сб. ст. Всероссийской научно-практической интернет-конференции. Омск: БОУ ДПО ИРООО, 2009. С. 14–16.
2. Максапетян А.Г. Языки описания и модели мира (к постановке вопроса) // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 53–65.
3. Хейзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНТОШЕЧКИНА Галина Константиновна – студентка II курса института социально-гуманитарных технологий, КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: galina_antoshechkina@mail.ru

АРДЮКОВА Ольга Сергеевна – аспирант кафедры философии, социологии и религиоведения, КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: OlgaSArdukova@list.ru

БУБЛИКОВ Кирилл Евгеньевич – студент, Красноярский государственный аграрный университет;
e-mail: sap.strf@gmail.com

ВИКТОРУК Елена Николаевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, социологии и религиоведения, КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: eviktoruk@yandex.ru

ГОХ Анатолий Федорович – аспирант института социально-гуманитарных технологий; КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: an_goh@mail.ru

КОСТЫЛЕВ Сергей Валерьевич – старший преподаватель кафедры рекламы и социально-культурной деятельности гуманитарного института, Сибирский федеральный университет;
e-mail: profikost@mail.ru

КРУГЛОВ Виктор Леонидович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии, КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: victor_leoni@mail.ru

ЛИТВИНОВА Анастасия Геннадьевна – студентка II курса ИСГТ, КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: ms.litvinova97@mail.ru

ЛОБАНОВА Нина Исаковна – кандидат философских наук, КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: nanakrasnoyarsk@yandex.ru

ЛОГУНОВА Лариса Валентиновна – кандидат философских наук, КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: log144@yandex.ru

МИНЕЕВ Валерий Валерьевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и религиоведения, КГПУ им. В.П. Астафьева;
vvmineev@mail.ru

ПЕЧЕРИНА Наталья Николаевна – аспирант кафедры философии, социологии и религиоведения, КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: nnpecherina@gmail.com

ТАЙГУНОВА Татьяна Викторовна – аспирант кафедры философии, социологии и религиоведения, КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: ped_otdel@list.ru

ТЕЛЕВАТАЯ Елена Романовна – студентка II курса ИСГТ, КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: elenatelevataya27123@mail.ru

ФИЛЬЧАКОВА Виктория Александровна – студентка I курса, СибГУПС;
e-mail: nmartishina@yandex.ru

ЧЕРНЯЕВА Александра Сергеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Сибирский государственный

технологический университет;
e-mail: as30mai@mail.ru

УЛЬЯНОВ Герман Сергеевич – аспирант института социально-гуманитарных технологий, КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: german92u@mail.ru

ЮРКОВ Дмитрий Владимирович – аспирант института социально-гуманитарных технологий, КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: dmitryurk@yandex.ru

Содержание

Костылев С.В. Этические нарушения в сфере арт-менеджмента	3
Телеватая Е.Р. Педагогическая этика в работе с детьми с интеллектуальными нарушениями	9
Гох А.Ф. Значение идей культурной антропологии для понимания аутичной культуры	18
Литвинова А.Г., Антошечкина Г.К. Эволюция отношения общества к детям с особыми образовательными потребностями	30
Лобанова Н.И., Логунова Л.В. «Зачем я родился, если умру», или несколько слов о проблеме смысла жизни	39
Логунова Л.В. Философия современного студенчества	46
Бубликов К.Е. Постчеловечество: анонимность как манифестация свободы.....	55
Минеев В.В. Медицина в контексте гуманитарного знания	60
Печерина Н.Н. Тайм менеджмент в России: вехи становления. Социально-философский обзор.....	70
Черняева А.С. Этика науки в американской теоретической традиции	79
Круглов В.Л. Адам Селигмен: проблема безверия и этос иллюзионизма веры.....	83

Викторук Е.Н., Ардюкова О.С. Лидерство как фактор социоантропогенеза	96
Юрков Д.В. «Нарративные практики» в философском консультировании родителей детей с РАС.....	106
Тайгунова Т.В. Этика жизни в меняющемся мире	113
Ульянов Г.С. Общие аспекты толерантности.....	121
Фильчакова В.А. Философские метафоры в нравственной позиции личности	126
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	132

ЧЕЛОВЕК, СЕМЬЯ И ОБЩЕСТВО:
ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

VI Международный
научно-образовательный форум

ЭТИКА МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА:
ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНОЛОГИИ

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции

Красноярск, 26 октября 2017 г.

Электронное издание

В авторской редакции
Верстка *Н.С. Хасанишина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подготовлено к изданию 09.02.18.
Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 8,5